

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

БИЛЕТ НА ЛАДЬЮ ХАРОНА

Одиссей покидает Итаку

Василий Звягинцев

Билет на ладью Харона

«Звягинцев Станислав»

2003

Звягинцев В. Д.

Билет на ладью Харона / В. Д. Звягинцев — «Звягинцев
Станислав», 2003 — (Одиссей покидает Итаку)

ISBN 5-699-03376-9

Ответ «черного интернационала» на захват Сергеем Тархановым изобретателя «Гнева Аллаха» профессора Маштакова не заставил себя ждать. Полномасштабная войсковая операция в Пятигорске подтвердила: отныне игры со временем и научные эксперименты переходят в фазу создания супероружия, что приведет к войне за мировое господство. Победит в ней тот, кто первым рискнет шагнуть за грань. Куда? В прошлое? В будущее? В чужую реальность, однажды увиденную Тархановым и почему-то показавшуюся странно знакомой? Однако не обернется ли это еще большей бедой как для самих участников «похода за пределы», так и для мира в целом?

ISBN 5-699-03376-9

© Звягинцев В. Д., 2003

© Звягинцев Станислав, 2003

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	15
Глава третья	32
Глава четвертая	54
Глава пятая	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Василий Звягинцев

Билет на ладью Харона

*– О Боже, – вскричал я в тревоге, – что, если
Страна эта истинно родина мне?
Не здесь ли любил я и умер не здесь ли,
В зеленой и солнечной этой стране?*

Н. Гумилев

*Мы пришли в этот мир на битву,
А не на праздник.*

Н. В. Гоголь

Глава первая

Оставив на степной дороге автобус с группой захвата, пленным профессором и его лабораторией, Сергей Тарханов (для окружающих – полковник Арсений Неверов) пересел в свой «Мерседес». Лихо, с писком покрышек и веером песка из-под колес, развернулся. Впереди его ждал Пятигорск, Татьяна и две недели безмятежного отпуска.

Слева, из-за гряды поросших гривками жидкого леса холмов, поднималось солнце.

Тарханов привычно взглянул на часы. Ровно пять.¹

Ехать ранним утром по южной степи в открытой машине – совершенно особенное удовольствие, которое трудно объяснить тому, кто не испытал этого наяву. Ну как передать все это: мягкий гул мощного мотора, свист срывающегося с рамы лобового стекла встречного ветра, рокот покрышек по не слишком гладкому асфальту, изумительные оттенки неба, пока еще ярко-голубого, с легкой зеленцой, а на западе вообще густо-синего, но на глазах выцветающего под лучами набирающего силу солнца.

Солнце, как дуга электросварки, отчетливо дающее понять, что часов после девяти оно покажет в полную силу, что такое настоящая жара, но и сейчас уже припекающее вполне прилично.

Само собой – запахи степных трав. Они растут по холмам и ложбинам, очень разные, то гуще, то реже, оттого вдруг накидывает на тебя то тревожный запах полыни, то отцветающего чабреца, шалфея, зверобоя, еще каких-то разноцветных, неизвестных по названию столбиков и метелок. Блеснет у обочины болотце или ерик – и тут уже мгновенный всплеск пахнувшей камышом и гниющей травой сырости.

И снова бьет в лицо сухой и горячий ветер.

На спидометре – девяносто километров в час, больше и не нужно, спешить некуда и незачем, да и думать на отвлеченные темы на такой скорости удобнее, чтобы не улететь невзначай с дороги на внезапном повороте или поздно замеченной выбоине, которые здесь, увы, встречаются часто и бессистемно.

Пятигорский радиоцентр, как и много лет назад, по утрам передавал классическую музыку, и слушать «Послание к Элизе» Моцарта было приятно и не отвлекало ни от мыслей, ни от управления машиной.

А подумать Сергею было о чем.

Это ведь не просто так – выслушал то ли бредовые, то ли вполне достоверные рассуждения господина Маштакова и забыл о них, перейдя к текущим проблемам жизни.

¹ См.: Звягинцев В. «Дырка для ордена».

Профессиональная составляющая случившегося минувшей ночью Сергея сейчас интересовала мало. Порученное ему дело практически сделано, объект акции задержан вместе со всем своим имуществом и следует по назначению с надежной охраной. А вот брошенное им сомнение действует сейчас на мозг Тарханова, как азотная кислота на проволочку во взрывателе замедленного действия.

Сказано, будто и между прочим, что он (а возможно, и Ляхов тоже) вследствие контузии, вызванной срабатыванием придуманного сумасшедшим изобретателем устройства для очищения территории Палестины от евреев, приобрел какие-то совершенно неожиданные свойства. И вступил в какие-то новые отношения с тем, что принято называть временем. Которое просто и понятно, но ровно до тех пор, пока не начинаешь задумываться, что же оно на самом деле такое.

Полный ведь бред слова господина Маштакова, при здравом рассмотрении и думать бы об этом не стоило, если бы...

Если бы он не увидел на несколько минут совсем другой мир. Безлюдный, но совершенно реальный. Тарханов не мог объяснить даже сам себе, в чем тут дело, но он мгновенно ощутил его несомненную подлинность. Чуждую ему, но безусловную. Примерно таким образом нормальный человек всегда в состоянии понять разницу между явью и самым достоверным и убедительным сном.

Несмотря на то что совершенно ему непонятен был и «пионерский» лагерь, и приветственные слова в адрес шестнадцатого по счету съезда какого-то ВЛКСМ.

И что это все значит?

Если столь реальным оказался (или показался) тот мир, значит, здешний мир для него – сон?

И для Вадима Ляхова тоже?

(Вадим, кстати, тоже, без всякой связи со словами Маштакова и ничего о нем не зная, говорил о некоторых странностях жизни, начавшейся после боя на перевале.)

Ну а если вообразить, что хоть в чем-то Маштаков прав, что как-то они оба связаны с совершенно другой жизнью? Или вообще всегда жили там, а здесь оказались волей случая, или сумасшедшего профессора, что в принципе одно и то же? При всей абсурдности допущения, если его все-таки принять как рабочую гипотезу, возникает вопрос, вытекающий уже из внутренней логики ситуации, – откуда же и у него, Тарханова, и у Ляхова абсолютно полный комплект воспоминаний и о здешней жизни тоже?

Да вот хотя бы – Елена у Вадима, Татьяна здесь, в Пятигорске, у него? Они ведь не просто показались им на кого-то похожими, узнавание ведь было мгновенным и взаимным.

Сергей еще раз постарался оживить в памяти воспоминания об учебе в Ставрополе, о поездках в увольнение в Пятигорск, о знакомстве с Татьяной и все, что было именно тогда.

Ни малейших сомнений, никаких провалов в памяти. Он может точно назвать число и день недели, к примеру, того случая, когда они с Татьяной поехали в Железноводск, поднялись на вершину горы по терренкуру, а обратно решили спуститься по дикому склону и забрели в душные заросли полудикой малины и ели ее горстями, со смехом обсуждая, что будет, если из кустов вдруг вылезет горный медведь и предъявит свои претензии на ягоду.

А потом они вылезли из электрички в Пятигорске, сели в открытый прицепной вагончик трамвая, и их накрыл на полпути жутчайший ливень. Прибежали они в гостиницу ну уж такие мокрые...

Такое разве придумаешь?

Не проще ли в очередной раз прибегнуть к пресловутому принципу Оккама, принять за факт, что все-таки это Маштаков псих (да и похож), а сам он в полном порядке, и забыть обо всем, благо других забот выше крыши.

Тарханов остановил машину, достал из холодильника под спинкой правого сиденья бутылку покрытого испариной ставропольского пива «Антон Груби», выпил залпом половину, после чего присел на заросшую густой травой обочину и закурил.

Нет, это действительно самое лучшее решение – забыть пока обо всем об этом до возвращения в Москву, вместе с Вадимом все обсудить, еще раз (или сколько потребуется) побеседовать с господином Маштаковым, а уж потом...

Тем более с нуля часов сегодняшнего дня он испросил у руководства двухнедельный отпуск, и следует воспользоваться им с полным удовольствием.

Вообще Тарханов по своему характеру был мало склонен к рефлексиям. Пусть и закончил он весьма привилегированное военное училище, где преподавали и педагогику, и психологию, и логику с основами философии, выдавали по выпуску диплом, равноценный по статусу диплому гражданских университетов. Все равно он ощущал себя прежде всего офицером. Как шутили они, общаясь со студентами и студентками на балах в ставропольских и пятигорских институтах, рисуясь своей формой и демонстративной аполитичностью: «Наше дело – стрелять и помирать, когда прикажут. А за что и почему – господин полковник знает».

И далеко не всякий (всякая) из штатских приятелей умели понять, где рисовка, а где – подлинная суть этих крепких, с обветренными лицами, уверенных в себе парней.

По крайней мере, наиболее эффектные девушки из «хороших семей» к юнкерам относились не слишком доброжелательно. Называли между собой «сапогами». Что, естественно, вызывало ответные настроения.

Может быть, и с Татьяной у него не сложилось, потому что она перед своими друзьями и подругами стеснялась этого знакомства.

Сергей подумал, что окажись сейчас на его месте Вадим, настоящий интеллигент и аристократ, вот тот бы попсиховал на предложенную тему. Тарханову же – плевать. Поскольку его роль в этой экзистенции совсем другая. Он не задумывается о причинах объективного существования проблем, а действует оптимальным образом в предлагаемых обстоятельствах. Для чего и существует в этом мире, каким бы тот ни был. И получает за это внутреннее удовлетворение, а извне – чины и ордена.

Радио в машине вдруг замолчало.

Просто сразу и напрочь. Только треск атмосферного фона в динамиках.

Бывает и такое. Внезапная поломка на станции. Или – непрохождение радиоволн через линию грозового фронта. Вон он, кстати, завиднелся на горизонте. Слева и немного сзади по-прежнему припекает высоко уже поднявшееся солнце, а спереди наползает стена серо-синих кучевых облаков. И вроде бы даже погромыхивает отдаленный гром.

Вставить ради того, чтобы перенастроить приемник, Сергею было лень. Он только что избавился от одной проблемы, и затеваться с новой, пусть и несравненно меньшего масштаба, не было ни малейшего желания.

Уж больно хорошо сиделось – на обочине абсолютно пустой дороги, где, сколько хватает взгляда, ни одной машины, ни попутной, ни встречной. Оно и понятно, слишком еще раннее утро. Зачем и куда в этот час ехать жителям Благодарного и Воронцово-Александровки, между каковыми селами он в данный момент находился? Вот начнется уборка урожая, тогда и ночью будут мотаться груженые зерном машины между полями, токами, железнодорожными станциями, а пока – тишина и сонный покой.

Как ни растягивал Сергей удовольствие, бутылка пива все же закончилась. Отставив ее в сторону – вдруг кому-то и пригодится, – Тарханов с сожалением посмотрел на догоревшую до мундштука папиросу, вдавил окурочок в щебень на обочине. Что ни говори, еще один мелкий, но приятный эпизод в жизни закончился.

Отряхнул сзади брюки и снова сел за руль.

Пятигорская станция по-прежнему молчала, и он перенастроился на Ставрополь. Вот же черт, как специально, тамошние ребята поставили старую-престарую пластинку:

Скоро осень, за окнами август,
За окном пожелтели листья,
И я знаю, что я тебе нравлюсь,
Как когда-то мне нравился ты...

Садизм какой-то. Именно эту вещь исполнял маленький оркестрик в кафе «Кругозор» в тот вечер, когда Тарханов навсегда, как ему представлялось, попрощался с Татьяной.

Горечь ситуации несколько смягчалась только тем, что их за столиком было аж три пары, поэтому до душещипательных и совершенно тупиковых тем разговоры не доходили. Все присутствующие бодрились и веселились почти естественно.

А если бы он вдруг сказал тогда Татьяне: «Плюнь на все, выходи за меня замуж, и поедем вместе на Сахалин», – что бы из всего этого вышло?

Попал бы тогда неизвестно какому времени принадлежащий капитан Тарханов на горный перевал вместе с отчаянным доктором или мирно служил бы сейчас в очередном далеком гарнизоне, окруженный на досуге любящими женой и детьми, отнюдь не забывая себе голову всяческими глупостями из разряда ненаучной фантастики?

Сергей, на секунду бросив руль («Мерседес» отлично держал дорогу), сунул в рот очередную папиросу.

Кто бы мог подумать, что на мрачного внешне и резкого в поступках полковника могут так действовать вполне рядовые по художественным достоинствам песенки?

А вот действуют же, и настолько, что чуть сентиментальную слезу не вышибают.

Далеко впереди на дороге вдруг сверкнул яркий солнечный блик. Прямо в глаза.

Тарханов прищурился.

Встречная машина. Впервые за полчаса. Двигается навстречу очень медленно. Или вообще стоит. Инстинктивно он тоже сбросил скорость, пошел накатом. Вдруг помощь требуется или еще что...

Еще полминуты, и стало видно, что это – очень старая «Волга», двадцатилетней, не меньше, давности. Буроватого какого-то цвета. От времени выцвела из кофейного или, наоборот, потемнел от ржавчины исходный бежевый?

Тянется еле-еле, километров пятнадцать в час, не больше. И сильно дымит. Кто за рулем, пока не разобрать. Но водитель еще тот, очевидно.

За сотню метров «Волга» замигала фарами и остановилась совсем.

Пока Тарханов тормозил, дверца встречной машины распахнулась, и на дорогу, несколько слишком резко, выпрыгнула девушка. Сергей даже присвистнул. Воистину, чудное видение, незнамо каким образом явившееся на глухой степной дороге.

Лет двадцати на вид, высокая, тоненькая, с коротко подстриженными светлыми волосами, одетая в узкий светло-синий костюмчик полувоенного покроя, только погон и петлиц не хватает. Юбка такая короткая, что открывает колени. Для здешних консервативных краев достаточно смело. Если даже и в крупном уездном центре, вроде Воронцовки, она в таком виде появится на улицах, вслед ей мужики наверняка будут оборачиваться, а почтенные старушки – отпускать нелестные эпитеты.

Само по себе нескромно так одеваться, а уж с ее вызывающе длинными ножками, обтянутыми алыми чулками, – тем более. Здесь по селам и станицам до сих пор предпочитают видеть своих дочек и внучек одетыми более традиционно.

Приезжая, наверное. Несет веяния передовой столичной моды отсталым аборигенам.

Правая дверца открылась тоже, и появилась вторая девушка, очень похожая на первую, только постарше и одетая в летний сарафан нормальной длины.

И только тут Тарханов сообразил, что не только в ножках и юбках дело, и лица у девушек были очень привлекательные, но у младшей все же поинтереснее.

Словно боясь, что незнакомец сейчас вдруг даст по газам и умчится, девушки замахали руками, а водительница смело загородила «Мерседесу», и так уже остановившемуся, дорогу.

– Здравствуйте, девушки. Неужели я произвожу впечатление человека, способного оставить таких красавиц без помощи? Что у вас случилось? – Тарханов широко улыбнулся, опуская ногу на асфальт, и тут же понял, что дело тут совсем в другом.

Глаза и лица у девушек выражали отнюдь не страх перед тем, что незнакомец откажется помочь им, скорее они боялись за него.

– Вы в город? Не надо туда ехать, там... там что-то случилось! – выпалила первая, а вторая зачастила в унисон: – Бандиты, какие-то бандиты напали на город, в центре сильно стреляют, отец нам позвонил, он в полиции работает, сказал – быстро заводите машину и гоните в Воронцовку, там у нас бабушка живет, только по трассе не езжайте, а переулками, мимо тюрьмы и через Константиновку, я потом за вами приеду...

– И всех, кого по дороге встретите, – он еще сказал, – предупреждайте, чтобы не ехали, а в Воронцовке сразу в полицию, скажите там, большая банда с гор спустилась, мы в горотделе забаррикадировались, держимся, а связи у нас нет, пусть помощь шлют, – перебила сестру первая красавица, явно побойчее старшей, – только он это сказал, и телефон отключился. Мы сразу подхватились, хорошо, мотор завелся сразу, и поехали, я со страху чуть ворота не снесла. Только из города выбрались, и тут она поломалась... И еще никого не встретили, вы первый...

– Стоп, стоп, девочки, успокойтесь, сейчас все будет нормально. Не курите? – он протянул им коробку «Купеческих», которые предпочитал прочим сортам за мягкую крепость и аромат настоящего трапезундского табака, предупредительно откинул крышку.

Вторая мотнула головой отрицательно, а водительница папиросу взяла. Прикурила от зажигалки, выдохнула дым, не затянувшись, впрочем.

Все правильно, две сестры, только одна «провинциалочка», а вторая, наверное, учится в столицах, на каникулы приехала, демонстрирует родным и знакомым «передовую культуру».

По тревоге поднялись, собирались в панике, однако нарядиться успела, будто не в бега кинулась, а в ресторан или на концерт.

Точнее, все наоборот. Вчера она где-то там была, а по подъему натянула на себя то, что рядом с кроватью лежало...

Касательно же налета на город... Честно говоря, чего-то подобного он и ожидал.

Однако быстро ребята спохватились. За три-четыре часа поднять в ружье столько людей, чтобы захватить двухсоттысячный город! Батальон, не меньше. Что же за дела у них тут, на юге, творятся? Нет, правы, наверное, ляховские друзья. События могут начаться даже гораздо раньше, чем они рассчитывают.

Взяли мы Маштакова с его оборудованием, и вот вам ответ! Значит, серьезная группировка у них здесь развернута, и серьезные люди ею командуют. Только получили информацию от тех, кто присматривал за особняком, и с ходу, наверняка без согласования с какими-то забугорными центрами и штабами, решение приняли, за час ударную группу сформировали и на город бросили, не считаясь с последствиями!

Это ведь объявление войны, по большому счету, после столь наглой акции ответ последует сокрушительный, не могут они этого не понимать! И раз рискнули – профессор с его машинкой для них важнее всей военной инфраструктуры в этом регионе.

А ведь готовили ее тщательно, не один год, наверное, и сумели до последнего сохранить все в тайне. Ради такого дня?

Вот вам и всемирный джихад, акт второй, картина первая. Крепко, выходит, мы им хвост прищемили! Только неужели ж посчитали, что Маштаков и сейчас где-то в подвалах МГБ или в «Белом лебеде» сидит? А почему бы, кстати, им именно так и не подумать? Если спецслужбы ночью кого-то арестовывают, куда его везут обычно? Правильно, во внутреннюю тюрьму или в городскую. Куда ж еще? Вряд ли их вожди и шейхи настолько в курсе наших российско-московских заморочек. Были бы в курсе, играли бы совсем по-другому.

– Дяденька, что же нам делать-то? – как-то совершенно по-деревенски, со слезами в голосе вдруг спросила старшая из сестер. – Отец там, в горотделе, у них же и оружия никакого, кроме пистолетов, а когда мы еще доедем, сообщим, когда помощь придет...

– Спокойно, девочки, спокойно. Во-первых, в отделе не только пистолеты, там и автоматы, и пулеметы есть, стены у них каменные, метровые, окна с решетками, бывал, знаю, и сутки просидят, если что. Охрана тюрьмы, тоже сотни две солдат, могут поддержать. Давайте по порядку. Вас как зовут?

– Света, – сказала младшая.

– Аня...

– Вот и хорошо, Света-Аня. С машиной что?

– Откуда я знаю, – ответила Света. – Водить я умею, а что там у нее внутри... Нормально ехали, потом тянуть перестала. Машина-то старенькая, дедова еще, отцу на новую все денег не хватает, но наш «олешек» все равно хороший...

В голосе ее прозвучала ревнивая нежность, готовность дать отпор незнакомцу, если вдруг он вздумает назвать машину, которая была членом семьи еще до того, как девушка родилась, «старой жестяной» или еще как-нибудь.

– На третьей ехали, потом чихать начал, газ до полу, а не идет, сейчас вот и на второй даже двадцати не получается, стреляет, дергается...

– Все понятно, сейчас сделаем...

Тарханов откинул крышку капота, начал разбирать карбюратор, а сам продолжал спрашивать Свету, которая явно мыслила четче сестрицы.

– Когда все началось в городе?

– Стрельба в центре началась около пяти. Сначала отдельные выстрелы, потом прямо как салют или фейерверк. Отец позвонил в половину шестого. Выехали мы где-то без десяти шесть. Как вы думаете, что произошло? Какие бандиты, с каких гор? До них вон сколько...

– Не так и далеко, на машине полчаса-час. А зачем? Вы же местные, к полиции отношение имеете... знаете, какие в горах обычаи и настроения. Может, в банк солидные деньги завезли. А у наших властей такая дурацкая политика, что от Ставрополя до Владикавказа здесь и войско-то порядочных нет.

Он куском тончайшей нихромовой проволоочки, которая имела на подобный случай в его инструментальной сумке, прочистил жиклеры карбюратора, забитые похожей на стеарин массой.

– Чем последний раз бак заправляли?

– Откуда я знаю, не мои это проблемы...

– Значит, папаша ваш по случаю дармовым самопальным бензинчиком разжился. А в итоге... Ваше счастье, что меня встретили. Сейчас я вам из своего запаса литров десять нормального бензина плесну, доедете в лучшем виде. Только вот что... Передадите это с первого же работающего телефона.

Его карманная рация до Ставрополя не доставала, а ехать обратно до ближайшего уездного городка сорок километров смысла не было.

На листке из командирской книжки он крупно написал неизменный вот уже двадцать пять лет номер оперативного дежурного Ставропольского горно-егерского училища и текст:

«Пятигорск захвачен одной или несколькими бандами неустановленной численности и принадлежности. Местные силы правопорядка ведут уличные бои. Проводной и радиосвязи нет. Советую срочно направить вертолетный десант и опергруппу не менее батальона на автомашинах. Сам буду действовать в городе по обстановке. Для подтверждения моих полномочий свяжитесь с Москвой, позывной такой-то. Со мной рация Р-17, рабочая частота 88—92. Выпускник нашего училища гвардии полковник Неверов».

Вроде бы, выражаясь по-латыни, «сапиенти сат»². Если начальник училища и командование гарнизона отнесутся к сообщению всерьез, часа через два передовой отряд может уже высадиться в городе. Если начнутся согласования и дискуссии... Думать о таком варианте не хотелось, но и не учитывать его нельзя.

– Езжайте, Света. Дай бог удачи. Кстати, вашего отца как фамилия? Постараюсь его разыскать. И вот еще что. Вы где в Питере³ живете? Машину у вас во дворе можно поставить?

Света уже успела прочесть записку, взгляд ее, когда она подняла глаза на Сергея, был полон уважения и надежды.

– Конечно, можно. Улица Нижняя, 6. Это сразу от моста налево. Возьмите ключи. Ворота у нас железные, синие, и забор высокий. В холодильнике борщ есть, яйца... Ешьте, не стесняйтесь.

– Спасибо, только я в дом заходить и не собираюсь. Мне бы машину спрятать, а уж там...

Не успели девушки тронуться с места, как Тарханов услышал со стороны почти полностью уже укрытого густой шапкой туч Машука отдаленный, но характерный звук.

– «Полет шмеля» из оперы «Сказка о царе Салтане», – машинально сострил Сергей, а тело уже начало действовать само, как учили. – Девчата, с дороги в сторону! Бегом, хотя бы вон до тех кустов. Лечь и не высовываться, пока я не разрешу!

Не понимая еще, в чем дело, девушки тем не менее послушно направились в сторону густых зарослей боярышника, с уже прихваченными первой предосенней ржавчиной листьями. Но – не слишком торопясь.

– Бегом, я сказал, бегом, в бога мать! – необходимая эмоциональная добавка, чтобы внушить мысль о серьезности положения.

Подействовало.

Сам же он в это время успел отпереть кодовый замок автомобильного багажника, переднее отделение которого являло собой хорошо замаскированный и надежно бронированный сейф для оружия и спецтехники, необходимых в беспокойной профессии «странствующего рыцаря».

Из того, что там имелось, не задумываясь, выдернул автоматическую снайперскую винтовку калибра 12,7 мм, «предназначенную для поражения целей, расположенных под прикрытием противопульной брони, в дерево-земляных огневых точках и иных промышленных и гражданских строениях на расстояние до 1000 метров».

Например, если вражеский снайпер ведет огонь из окна обычного кирпичного или панельного дома, пуля, пущенная под подоконник, не только пройдет стену насквозь, но и вынесет за собой внутрь комнаты конус щебня и прочих обломков, с полметра диаметром. С соответствующими последствиями. Ничуть не хуже, чем пушечный выстрел картечью.

В искусстве снайперской стрельбы Сергей, конечно, с Ляховым равняться не собирался, но попасть, куда нужно и вовремя, он вполне надеялся.

Вертолет приближался, нестрашное поначалу гудение превращалось в довольно грозный рокот. И хоть была это не одна из моделей многочисленного класса армейских вертолетов Сикорского, а всего лишь гражданский четырехместный аппаратик туристского класса,

² Умному достаточно (лат.).

³ Питер – местное просторечное название Пятигорска.

довольно аляповато раскрашенный, опасность от него исходила нешуточная. Тем большая, что он именно гражданский. Военный еще мог бы оказаться своим, а этот явно вражеский, поскольку летит не по прямой, как безусловно поступил бы пилот, бегущий из захваченного города, а очевидно – патрулирует окрестности.

И наверняка вооружен, хотя бы ручным пулеметом, а то и многоствольным гранатометом.

Рядом с машиной Тарханов бросил запасное колесо, кусок брезента, домкрат. Тут же, под порогом «Мерседеса», положил взведенную винтовку.

Ну, поломался в пути человек, колесо меняет, что же, сразу в него стрелять начнут? Должны бы с первого захода сначала присмотреться, потом уже принимать решение.

Однако их должно насторожить, что вторая машина шла из Пятигорска, каким-то образом миновав заградительные посты на главных выездах, которых не могло не быть, если полковник хоть что-то понимает в тактике.

На это и расчет.

От момента, когда Тарханов услышал гул мотора, прошло ровно две минуты.

И тут же ему пришла в голову новая идея, рискованная, конечно, но и сулящая гораздо больше шансов на успех.

Пока еще грохот мотора не стал нестерпимо громким, он успел крикнуть:

– Света, иди сюда!

Девушка услышала, встала из-под раскидистых ветвей, машинально одернула юбку, направилась обратно к дороге. Все выглядит со стороны очень естественно и убедительно.

Главное, его план великолепно учитывает психологию «джигитов». Роскошный и очень дорогой автомобиль на пустой дороге, какой-то русский «лох» рядом с ним и, вдобавок, красивая девчонка. Отчего бы не отогнать «Мерседес» в родной аул или куда подальше, а заодно и позабавиться...

Вильнув хвостом, вертолет вышел строго на осевую линию шоссе, на секунду завис метрах в пятистах от машин, потом, опустив лобастый, сплошь остекленный фюзеляж, медленно двинулся вперед.

Скорость – километров сорок в час, не больше.

Изображая естественную заинтересованность, полковник, стоя на коленях, всматривался в винтокрылую машину, приложив левую ладонь козырьком ко лбу.

Стала видна яркая алая надпись вдоль корпуса «Пятигорскинтурслуги» и какая-то эмблема.

«Татьянина фирма, – подумал Сергей, – где ж они машинку захватили?» Раньше он вертолетных стоянок в центре города не видел.

Боковые дверцы у вертолета были сняты, и, как и ожидал Тарханов, на самодельных консолях были пристроены два пулемета.

Он выдвинулся чуть вперед и вправо, чтобы оказаться между машиной и вертолетом, строго на линии огня. Захотят получить «Мерседес» целеньким, – стрелять не станут. Да и Света уже подходила.

– Зачем вы меня позвали? Это что, наши?

– Совсем наоборот. Главное, не бойся. Обойди машину сзади и стой там. С первым же выстрелом приседай. Багажник бронированный...

Вертолет снова завис, не долетев тридцати метров. Коснулся колесами асфальта. И выключил двигатель.

Ну, это вообще подарок судьбы.

– Эй, братан, иди сюда! Поговорить надо! – крикнул крупный рыжеватый парень в выгоревшей камуфляжной куртке, сидевший у левого пулемета. Махнул рукой и в подтверждение своих добрых намерений широко улыбнулся.

Второй, давно не бритый, смуглый и кудрявый брюнет, больше похожий на цыгана, а не на горца, с интересом пялился через его плечо на Светлану. Лиц пилота и его напарника Тарханов за блеском стекол рассмотреть не мог.

И куда бы в такой ситуации деваться нормальному человеку, собравшемуся нескучно провести время на Кавказских Минеральных Водах и встретившемуся вдруг с весьма подозрительными, хорошо вооруженными людьми?

Независимо от собственной крутизны и жизненного опыта. Даже имей он в кармане какой-нибудь пистолетик для самозащиты.

Идти вперед, обливаясь потом и глупо убеждая себя, что, может быть, все обойдется. Тем или иным образом...

– Иду...

Изображая попытку сохранить достоинство и спокойствие, Сергей вытер руки куском ветоши, бросил тряпку на капот, потоптался на месте, будто не зная, что делать дальше. Обернулся к Светлане.

– Быстрее, быстрее... – донеслось от вертолета. Окончательно убедившись, что ситуация под контролем, рыжий спрыгнул на дорогу.

– Ложись! – рявкнул Тарханов девушке, присев, подхватил с асфальта винтовку и, даже не слишком торопясь (запас времени секунд пять, не меньше), выстрелил от бедра.

Горца швырнуло назад с такой силой, что от удара загудел корпус винтокрылой машины. Тут уже не останавливающее, а отбрасывающее действие пули.

Сергей, с трудом удержав в руках винтовку, вскинул ее к плечу. Успел увидеть медленно проявляющееся на лице второго бандита удивление и, как в тире, выстрелил еще четыре раза. Четвертый раз – по инерции.

Тут он просчитался, конечно. Собирался стрелять по летящему вертолету с соответствующей дистанции, а пришлось – почти в упор. Но так уж сложилось, а в результате и машина исковеркана, и о «языках» не может быть и речи.

Но что сделано, то сделано.

– Вот и все, Света. Можешь вставать...

Девушка с ужасом смотрела на продырявленный корпус вертолета, зияющий пролом в переднем блистере, застрявший между стойками шасси труп с широко разбросанными руками, второй, повисший вниз головой на пороге, плюхающиеся на асфальт откуда-то из кабины крупные капли и сгустки крови, быстро собирающиеся в глянцево блестящую лужицу.

– Вот примерно таким образом. Спасибо за помощь. Не можешь – не смотри. И уезжайте отсюда поскорее. Дальше уже мои дела.

Света согнулась пополам, и ее начало рвать особенно мучительно, потому что нечем было, кроме желчи. Позавтракать она явно не успела.

– Привыкай, – чересчур, может быть, резко сказал Тарханов. – Их приятели сейчас, наверное, вашего отца убить пытаются. А эти уже отвоевались.

Чтобы не смущать девушку, он отвернулся и пошел к вертолету. Сами с сестрой как-нибудь разберутся. А ему работать надо.

Все-таки стрелять по людям пятилинейной пулей с тридцати шагов – варварство. Хотя и эффективное.

И на вертолете полетать уже не удастся. Если бы даже разворотившая грудь пилота пуля не разнесла предварительно приборный щиток, слишком долго пришлось бы тут все отмыть...

Летчик, кстати, оказался европейцем, светлым блондином, хотя национальность установить не представлялось возможным. Документов у него, как и у трех остальных, не было. Зато все были сверх меры вооружены и по карманам рассована уйма денег. Считать было некогда, но навскидку, исходя из толщины пачек пятидесяти- и сторублевых, – не один десяток тысяч.

Аванс за работу или – уже в городе успели взять отделение банка.

Деньги Тарханов, разумеется, реквизирует. Если из банка – вернет, если нет – посчитаем законным трофеем. Мельком подумал, что последнее время ему стало уж что-то слишком везти в финансовом плане. Полжизни прожил полунинимом, а с прошлого декабря уж так поперло! Теперь бы только уцелеть, а о прочем горевать не придется.

За спиной взревел мотор «Волги». Света, кое-как оправившись, с места вдавила педаль газа до пола. Машина прыгнула и стала стремительно набирать скорость.

Тарханов запоздало махнул вслед девушкам рукой. Доведется ли еще встретиться? Он вспомнил, что не спросил девушек, куда положить ключи от ворот и дома. Да ладно, соседям отдаст, или если их отца повезет живым увидеть...

«А мотор потянул хорошо, – попутно еще подумал Сергей, – умею, если захочу...»

Оба пулемета (один дегтяревский, другой немецкий «МГ-54»), два автомата, немецкий же и американский, и шесть пистолетов он перегрузил в свой багажник. Может сложиться ситуация, когда придется вербовать волонтеров и вооружать их. Вертолет со всем содержимым он так и бросил на дороге. Разберутся, кому надо.

Глава вторая

Со стороны станицы Константиновской и восточных отрогов Машука Пятигорск отнюдь не походил на блестящий курортный город. Словно бы обычная станица с рядами одноэтажных кирпичных и из местного ракушечника домиков, прячущихся то за оплетенными вьющимися растениями штакетниками, то за глухими каменными заборами. Вдоль улиц и переулков ряды тополей и акаций, во дворах фруктовые сады.

Тут и обычно-то утром и днем немногочисленно, а сейчас жителей на улицах совсем почти что нет, прячутся за обманчиво неприступными заборами и воротами, только кое-где на перекрестках толпятся мужики группками по несколько человек, дымят папиросами, смотрят в сторону центра, обмениваются впечатлениями и слухами, вслушиваются в слабое, издали совсем нестрашное потрескивание выстрелов.

Значит, бой еще продолжается и полиция, скорее всего, держится.

Честно говоря, замысла налетчиков Тарханов так себе и не представил. Ну чего они хотят добиться? Найти, выручить Маштакова? С налету, без разведки?

Где и как? Рискуя, что пока они штурмуют довольно неприступный тюремный замок, сложенный полтора века назад из метровых каменных блоков, его вполне могут пристрелить, чтобы ни вам, ни нам.

Захватить отделение МГБ и пытками выяснить у сотрудников, куда его увезли? Так гораздо проще было бы сделать это оперативным путем. Или взять на квартирах все местное начальство, гражданское и военное, в заложники. Вернее было бы.

Если только не рассматривать ее как единственный организованный очаг сопротивления.

Разве что мыслят террористы нестандартно и их план заключается совсем в другом – вообще не искать конкретно Маштакова, а одним махом взять как можно больше заложников в городе, в санаториях и домах отдыха, а потом предъявить российским властям ультиматум. В истории страны таких случаев еще не было, на что и расчет. Если захваченная врасплох власть поддастся шантажу и панике, план вполне может сработать. Только вот никто не знает, что власти здесь вообще ни при чем.

Однако жертвам налета от этого легче не будет.

И откуда все же оказались вблизи города столь значительные силы? Не могли же они просто прятаться по землянкам и горным кошарам, заниматься боевой подготовкой в ожидании неизвестно чего, рискуя в любой момент быть обнаруженными хоть полицией, хоть лесными объездчиками, хоть простыми туристами.

Или их перебросили сюда буквально на днях из-за рубежа по воздуху. Парашютный или посадочный десант на альпийских лугах за Кисловодском. Теоретически в училище такие варианты рассматривались. В случае войны с Турцией, с Персией. Но сейчас-то – с какой целью? Разве что по той же причине, по какой шла в Израиль встреченная им с Ляховым банда. Взять Маштакова со всем оборудованием и учинить второе испытание «Гнева Аллаха» уже в Пятигорске?

И они вчера с Кедровым и Розенцвейгом успели опередить исламистов буквально на полсутки?

Очень бы сейчас пригодился «язык», причем – хорошо информированный.

Значит, нужно постараться его добыть.

Хотя, казалось бы, зачем это нужно именно ему? Войска сюда подойдут рано или поздно, кого-то из бандитов убьют, кого-то захватят в плен и добудут рано или поздно всю необходимую информацию.

Однако...

Во-первых, итоги лечения, сиречь – войсковой операции, могут оказаться хуже самой болезни, а во-вторых, Тарханов мыслил уже как начальник отдела спецопераций разведуправления штаба Гвардии и ныне случившееся воспринимал просто как очередную фазу операции «Кулибин», пусть и не предусмотренную исходным планом.

И вмешательство государственных (то есть петроградских) служб в операцию грозило не только ее срывом, но и гораздо более серьезными последствиями общероссийского масштаба.

И, значит, за оставшееся в его распоряжении время полковник должен принять все возможные меры для нейтрализации столь несвоевременного шага неприятеля, а заодно и недопущения кем-то просчитанных или могущих возникнуть спонтанно последствий.

В подобной ситуации замысел Тарханова выглядел ничуть не более безумным, чем любой другой, тщательно спланированный и соответствующим образом обеспеченный. И даже в чем-то более предпочтительным, поскольку в случае неуспеха обошелся бы неизмеримо меньшими жертвами.

Тарханов сожалел только о том, что несовершенство средств связи не позволяет ему обсудить этот план с Чекменевым.

За последние сорок минут погода незаметным образом изменилась. Сначала небо затянуло тусклой желтоватой мглой, порывистый ветер с юга принес низкие растрепанные тучи, следом потянулся зябкий клочковатый туман. После жаркого солнечного утра словно осень вдруг накатила.

Такие климатические аномалии на Кавминводах не редкость. В Ессентуках, наверное, уже всю льет дождь.

На «Мерседес» Тарханова аборигены внимания как бы и не обращали, отнюдь не предпринимали попыток остановить, предупредить об опасности или спросить, зачем он здесь и что ему нужно.

Тоже особенность местного характера. Ни к чему приставать к незнакомцу с непрошенными советами. Едет человек – и пусть едет, значит, знает куда и зачем. Захочет – сам остановится и сам спросит.

Подаренный Розенцвейгом «дезерт адлер», как обычно, прятался в подмышечной кобуре, штатный «воеводин» Тарханов положил на правое сиденье, прикрыв газетой. Десантный автомат «ППС» со сложенным прикладом он сунул под сиденье так, чтобы легко выхватить в нужный момент.

Того, что налетчики, занятые важными делами в центре, доберутся и до одной из окраинных улиц, ничем не примечательной, он не предполагал, но все же предпочитал быть наготове при любом развитии обстановки.

Буквально на днях ему довелось посмотреть по дальновизору «круглый стол» московских писателей и критиков. На передачу он попал не с начала и предыстории диспута не знал. Но и то, что он увидел, доставило ему массу удовольствия. Собравшиеся дружно топтали своего коллегу, автора приключенческих романов, за то, что герои его книг были людьми, с точки зрения Сергея, совершенно нормальными. То есть в острых ситуациях вели себя рассудительно и грамотно, умели предвидеть последствия своих действий и думать за противника. Стреляли точно и по делу, выбравшись из переделок, не бились в истериках, не размазывали по щекам сопли и слезы, а, получив (или не получив) заслуженную награду (орден, деньги, любовь женщины и прочее), продолжали жить и исполнять свои обязанности.

Оппоненты же с нездоровым азартом и непонятной злобой доказывали, что правильно – когда все наоборот.

Герой должен быть слаб и несчастен, поступки его отнюдь не разумны и выверены, а как бог на душу положит. Желательно, поглупее и поистеричнее. Чтобы, совершив очередную

глупость, а то и низость, персонаж потом долго и мучительно расхлебывал последствия своей некомпетентности, ну и так далее...

Как заявил один из критиков, аскетично худой, в толстых очках и с редкой бородачкой, «самое страшное – вашим героям нравится то, чем они занимаются, и они непреложно уверены в своей правоте. Убивать для них доблесть, а не тяжелейшее нервное потрясение».

– С последующим катарсисом, – усмехнувшись, бросил реплику избиваемый автор, отнюдь не выглядевший подавленным столь жестоким накатом.

Тарханову он понравился, и пришла мысль непременно почитать его книги. Сергей даже пожалел, что не имел возможности поучаствовать в дискуссии. Он бы непременно сказал, что...

Продолжить заочный диспут Сергей не успел. Машина подпрыгнула, пересекая трамвайную стрелку, улица круто пошла вниз и влево, на мост через Подкумок, а на угловом доме он увидел табличку с названием нужной улицы. Притормозил и тут же увидел крупную цифру «6» на синих, как и было обещано, воротах.

Да, это был дом, идеально характеризующий своего хозяина, провинциального полицейского небольших чинов, но со средствами и склонностью к уверенно-спокойной жизни.

Радуюсь, что в поле зрения аборигенов и посторонних лиц не просматривается, Тарханов быстро загнал «Мерседес» во двор, на асфальтированную площадку перед крыльцом, густо затененную виноградными лозами на деревянных арках, запер за собой ворота.

Первая часть плана выполнена. Время на часах – без пятнадцати восемь.

Самое главное – Тарханов ощутил безопасность, пусть и на несколько минут или часов, неважно, но безопасность.

Стена высотой в два с половиной метра, запертые ворота. Случайно его здесь никто не тронет, а если специально – пусть еще попробуют. Так подобные дворы и строились.

Главное – никто с улицы представить не может, какой силой сопротивления обладает хозяин. Собака ли у него злая имеется, дробовик шестнадцатого калибра или пулемет «максим» еще от последней Гражданской войны. Поэтому даже и отряды горских джигитов предпочитают в такие окраинные улочки и переулочки не соваться.

В центре города все проще и понятнее.

Тарханов не стал заходить в дом, хотя это ему и было разрешено хозяйками.

Закусил тем, что имелось в машине в качестве сухого пайка, покурил, размышляя о близком грядущем. Потом, готовясь к действию, еще раз просмотрел свои запасы.

Вроде необходимая достаточность имела место. С куда меньшими ресурсами люди завоевывали континенты и царства.

Что, к примеру, триста мушкетов Кортеса против его огневой мощи?

Выстрелы из центра города стали слышнее, но все равно не создавали впечатления жаркого боя. Скорее – беспокоящий огонь.

Обстановка по-прежнему оставалась неясна, и, значит, требуется рекогносцировка на местности.

В калитку осторожно постучали.

Тарханов выглянул в глазок.

За воротами стоял мужичок лет под пятьдесят, одетый по-домашнему, то есть в мятые, серые в полоску штаны и сиреневую майку, на босу ногу шлепанцы.

Сосед, по всей видимости.

Сергей открыл.

– Здравствуйте, – вроде бы и вежливо, но с некоторым напряжением в голосе сказал визитер. Глазами бдительно зыркал по сторонам и в глубь двора. – Николай меня зовут. Вы к Петру приехали?..

За паузой, вроде бы выражающей доброжелательное любопытство, крылся невысказанный, но более жесткий вопрос.

Кто их тут знает, местных жителей, может, у них договор о взаимной обороне и за спиной Николая прячется обрез с волчьей дробью?

– Точно, – стараясь, чтобы улыбка вышла как можно более непринужденной, ответил Тарханов. – Меня зовут Сергей. Приехал. Из Москвы. А тут у вас такое. Я Свету с Аней на выезде встретил, они мне все рассказали и ключ дали. А сами к бабке, в Воронцовку, двинулись. Отец им так приказал. Он еще не объявлялся, случаем?

– Нет, – мотнул головой мужик. – Да и как ему появиться. Если даже и живой до сих пор, в форме по городу не пройдешь. Тут парни попробовали вверх переулками подняться, посмотреть, что и как, так дальше перекрестка Сорокина и Серноводской не прошли.

Возле трамвайного депо грузовик стоит и штук пять «этих» с автоматами. Никого не пускают, ни в центр, ни из центра.

– А «эти»-то – кто они? Разобрались? И чего хотят?

– Не, не разобрались. Что не карачаи – точно, и не черкесы, и не кабардинцы. Этих мы сразу различим, и по разговору, и в лицо. А так, конечно, нерусь. Час назад по городской трансляции выступал какой-то из их главарей. Чисто говорил, почти совсем без акцента.

– И что сказал?

– Что отряды вооруженных сил... как это он назвал... в общем, имени какого-то шейха, Мансура вроде бы, переносят свои действия на территорию, исконно принадлежащую горским народам Кавказа.

Что ими, пока временно, заняты Пятигорск, Кисловодск, Ессентуки. Что местных жителей-христиан просят не беспокоиться, но во избежание ненужных жертв на улицы не выходить. Попытки покинуть город или оказать какое-то сопротивление будут жестоко пресекаться.

Все представители государственных и частных вооруженных структур должны сложить оружие в местах своей дислокации и спокойно расходиться по домам. В этом случае вреда им причинено не будет. Если армейские части извне не предпримут попыток штурма, они покинут Пятигорск через некоторое время. В противном случае ответственность за последствия будут нести лица, отдавшие преступный приказ.

– Прямо наизусть затвердили, – несколько удивился Тарханов. – Неужели такими вот четкими терминами все и излагалось? Или вы на привычный вам язык переложили?

Николай снова глянул на него настороженно.

– Да они это дело раз десять повторили. Наверное, поставили на радиоузле заранее записанную пленку и крутят. Черт его знает, кто такие. Никогда раньше не слышал. Ну, пошаливали время от времени в предгорьях абреки, так они уже двести лет так пошаливают. А тут вдруг... Вы-то сюда зачем? В гости? – внезапно сменил он тему.

– Можно сказать, и в гости. А скорее по делу...

– Сейчас только дела и делать, – хмыкнул мужик, непонятно в каком смысле. – Может, винца желаете выпить? Домашнего. У меня есть.

– Обязательно выпьем, только чуть попозже. Курите?

– А чего ж? – Николай взял папиросу. – Только давай зайдем все же. Неуютно мне голой спиной к городу стоять. Еще залетит какая шальная...

«Мерседес» Николая, как всякого нормального мужика, заинтересовал. Он долго его осматривал, задавал достаточно квалифицированные вопросы, проверил качество амортизаторов, несколько раз нажав на заднее крыло.

– Вещь, – заключил он наконец. – А ты, Сергей, по какой части будешь? Тоже полиция?

– Нет. Я скорее по торговой...

– Ага. Сейчас самая торговля. Мы с ребятами тут прикидывали, если бандюки действительно сами вскорости не уйдут, а наши войска подтянут, такое начнется...

– Ну, мы-то здесь, в низинке, пересидим?

– Может, и пересидим. А если по центру из пушек или минометов садить начнут, как раз все перелеты – наши...

В тактической грамотности Николаю не откажешь. Впрочем, не слишком сложный вывод для любого, послужившего в армии, а здесь, на окраине курортного города, считай, каждый третий частный дом отставникам принадлежит. Любят они, свой четвертак по дальним гарнизонам оттянув, под старость в теплых да изобильных краях оседать.

На полковника или даже капитана Николай не тянет, но на сверхсрочного унтера – вполне.

Так он и спросил.

– Абсолютно в точку. Старший фельдфебель. Бывший начальник огневого склада в артиллерийской бригаде. Так что соображаю, что почем. В общем, пока дела не прояснятся, предлагаю: садимся поближе к погребу и начинаем мою «Изабеллу» дегустировать, поскольку делать все равно больше нечего.

– Еще раз спасибо за приглашение. Только сейчас – не могу. Мне одного человека отыскать нужно, и срочно. А он как раз где-то в центре обретается. Примерно в районе Цветника. Так что придется мне туда пробираться.

– Надумал, – неодобрительно скривил губы Николай. – Да там как раз самое опасное место сейчас. И полицейское управление поблизости, и банк, и телефонная станция. Все в одной куче. Не пройдешь ты там.

– Пройду не пройду, там видно будет, но – надо. С невестой у меня встреча назначена, и не прийти я, сам понимаешь, не могу...

Неожиданным для себя образом Тарханов говорил новому знакомому почти что чистую правду.

Разведка разведкой, а с Татьяной он действительно договорился о встрече именно сегодняшним утром. Как раз в девять часов у нее заканчивается суточное дежурство в туристическом бюро на третьем этаже гостиницы «Бристоль». Сергей сильно надеялся, что, если даже здание захвачено или блокировано бандитами, в лабиринте его коридоров, галерей, переходов и сотен номеров и служебных помещений знающим людям найдется где спрятаться.

А в то, что с момента вторжения у девушки и ее сослуживцев было достаточно времени, Тарханов не сомневался. С верхних этажей громадного здания весь центр города как на ладони, многочисленная охрана и собственная служба безопасности гостиницы укомплектована профессионалами с военным или полицейским опытом, которым не составит труда разобраться в обстановке и принять грамотные решения.

Если удастся туда пробраться, можно рассчитывать использовать их в своих целях.

Так что вся проблема – проникнуть в гостиницу, без лишнего шума и, уж разумеется, без потерь.

– Ежели невеста, тогда конечно, – вздохнул Николай, вроде бы соглашаясь, но всем своим видом показывая, что не считает причину достаточно серьезной. Мол, если все обстоит так, как передавали по радио, то с ней все в порядке, несколько часов свободно потерпит, тут главное – не высовываться, по улицам без дела не шастать, а если что, упаси бог, уже случилось, то чем ты ей поможешь? – И как же ты идти думаешь, напрямик-то в любом случае не получится...

– А вот и давай посоветуемся, ты-то коренной местный житель, а я город хоть и знаю, но – в общих чертах. И сюда добраться сумел, потому что девчата маршрут подсказали. Переулки там, проходные дворы и тому подобные скрытые подступы... На зады «Бристоля» мне выйти нужно.

– Ну, это почти свободно мы тебе сейчас нарисуем. Бумагу давай. Если им местные не прислуживают, сроду этих подходов им не угадать и не перекрыть, да и зачем перекрывать? Не военный объект, и постояльцев по одному смысла нет грабить, если весь город со складами да

магазинами в их распоряжении. Я так думаю, что где-то в горах у них серьезные проблемы со снаряжением и снабжением возникли, вот они и решили... За день отсюда хоть тысячу машин с барахлом да продовольствием отправить можно. До темноты наши там, – он неопределенно покрутил рукой в воздухе, – не расчихаются, а за ночь сколько хочешь добра по пещерам и подвалам рассовать времени хватит.

В принципе, если бы Тарханов не догадывался об истинных целях операции, слова Николая могли показаться ему убедительными. Кроме того, одна цель ничуть не противоречила другой. Осуществимы параллельно. Да и не две, а три-четыре сразу. Было бы время и необходимость, он бы их расписал в деталях.

– Вполне логичное допущение. Из которого следует, что это, может быть, первый ход в большой Кавказской войне. Да и не только Кавказской. Но мне сейчас о другом думать надо...

– Хозяин – барин... – неопределенно ответил Николай и посмотрел на Тарханова хотя и искоса, но слишком внимательно. Начал, очевидно, догадываться, что не с коммерсантом, случайно попавшим в чужую заваруху, имеет дело. Сергея, впрочем, это не волновало. Пусть думает что хочет.

– А оружие у тебя какое-нибудь есть? – спросил он соседа, когда тот закончил набрасывать кроки. – Вдруг и до вашей улицы доберутся? И все ж таки пожелают пограбить или еще что... Обороняться с прочими соседскими мужиками собираетесь или как?

– Вопрос. Обсуждали уже. К общему мнению не пришли. Конечно, если во двор полезут, надо бы и обороняться, а с другой стороны... Сиди тихонько, глядишь, и пройдут мимо. А оружие – какое у нас оружие? Дробовики кое у кого есть, у меня после службы наган на память остался, «маузер» мелкокалиберный для форса держу, вещица красивая, уток да зайцев когда-нибудь пострелять можно. Двоих-троих на крайний случай завалить сумею... – без особого энтузиазма ответил отставной фельдфебель.

– Хочешь, автомат дам? Подвернулся тут по случаю, и патронов – валом.

Отказаться от предложения старый оружейник явно не мог. Даже если и пользоваться автоматом не собирался, надежная огнестрельная машинка значительно успокаивает нервы.

Прекрасно понимая ход его мыслей, Тарханов, не дожидаясь ответа, приоткрыл крышку багажника, на ощупь вытащил изъятый у мертвых боевиков автомат «томпсон», старинный, лицензионно изготовливавшийся в России еще до того, как появились первые собственные, дегтяревские. Но по-прежнему надежный, с великолепным боем. К нему – подсумок с четырьмя тяжелыми, прямыми магазинами на тридцать патронов сорок пятого калибра каждый.

– Подойдет?

Фельдфебель принял оружие, осмотрел наметанным взглядом.

– Со складов стратегического резерва. Из него и не стреляли ни разу. После перевооружения семидесятого года их миллиона два на долговременную консервацию заложили. У меня у самого на складе второго штата тысяча штук хранилась. А с этого даже смазку толком не удалили. Снаружи обтерли, и все. Навскидку, пожалуй, и не выстрелишь... – Николай с усилием оттянул рычаг затвора. – Видишь? – Направляющие пазы внутри ствольной коробки были покрыты толстым слоем загустевшей за десятилетия смазки. – Долго чистить придется. С керосинчиком. Ну, да у меня есть. По случаю, говоришь?

– А как же иначе? Ты что, думаешь, я бы собственный автомат в таком виде возил?

– Резонно. Только я от Владикавказа до Ставрополя ни одного подходящего склада не знаю.

– А ты по номеру Главное артиллерийское управление запроси, откуда, мол, такая штука могла в Пятигорск попасть... – сострил Тарханов.

– А кстати, и можно, – неожиданно серьезно ответил Николай. – У меня как раз там приятель служит. Начинили срочную вместе, потом я на сверхсрочную, а он в училище. Теперь полковник...

– Тем более.

Разговор непозволительно затянулся, но в преддверии грядущих событий установить соответствующие отношения с неглупым и информированным местным жителем представлялось достаточно важным.

Поэтому лишь через несколько минут Тарханов закруглил беседу и проводил Николая в глубь двора.

– Я с этой пушкой на улицу высовываться не хочу. От греха... – И сноровисто полез через крышу сарайчика и заплетенный густыми побегами хмеля забор на свою территорию. – Как у нас говорят – чем выше забор, тем лучше сосед. Подай-ка...

Сергей передал ему автомат и подсумки. – Ну, бывай. За подарок спасибо. Живой вернешься – заходи. «Изабеллы» мы с тобой все-таки выпьем.

– Лучше – водки.

– И пива тоже...

* * *

Погода продолжала ухудшаться, и Тарханову это нравилось. Как-то ему представлялось неправильным воевать в курортном городе, освещенном ярким летним солнцем. Было в этом нечто неправильное. А так – совсем другое дело!

Морозящий туман опустился так низко, что уже третьи этажи домов были почти неразличимы. Вдоль улиц задувал и протяжно посвистывал пронзительный, совсем не августовский ветер.

Впрочем, здесь так бывает довольно часто. Сергей даже помнил, как два года подряд почти в одни и те же июньские дни на Кавминводах шел обильный, совершенно зимний снег, через несколько часов, впрочем, сходивший без следа.

Маршрут ему Николай проложил довольно грамотно. Он и сам бы выбрал почти такой же, но этот лучше учитывал топографию и рельеф местности.

Сначала узкими переулками к южному склону Горячей горы, густо заросшему труднопроходимым кустарником, потом позади Академической галереи, Эоловой арфы в густой Эммануэлевский парк. Здесь тоже было безлюдно и тихо.

Под раскидистой сосной он покурил, прикидывая дальнейшие действия. Сквозь стекла маленького, помещающегося в кулаке, но сильного бинокля ничего подозрительного на прилегающих, круто карабкающихся в гору улочках он не заметил. Все сидят по домам, и прежде всего – обитатели многочисленных пансионатов и санаториев.

До центра города оптика не доставала, мешал туман. Где-то в районе Лермонтовского сквера вдруг вспыхнула жаркая, но короткая перестрелка. В ней участвовало, на слух, около десятка автоматных и винтовочных стволов. В сыром воздухе выстрелы звучали глухо.

Возможно, защитники полицейского управления отбили очередную разведку боем, или, напротив, бандиты пресекли чью-то попытку прорыва за кольцо окружения. А то и не пресекли, и несколько храбрецов пробились, мгновенно растворившись в лабиринте дворов Старого города. Гадать можно бесконечно, но бесполезно, а главное – незачем. На планы Тарханова перипетии уличных боев в центре пока не влияют.

Он наметил несколько рубежей на маршруте, перемещаясь между которыми практически без риска можно добраться до кухонного и хозяйственного дворов гостиницы.

Одет он был сообразно ситуации и так, чтобы не вызывать подозрения, даже попавшись случайно на глаза бандитскому патрулю, ежели он сюда забредет.

Рабочие джинсы, в которых он обычно возился с машиной, рубаха в клетку, серая куртка-ветровка. Через плечо сумка с принадлежностями, необходимыми для осуществления «последующей задачи», когда первая, то есть поиски Татьяны, будет выполнена.

Как обычно, один пистолет в плечевой кобуре под курткой, второй сзади за ремнем брюк. Настоящий финский нож, острый, как опасная бритва, в неприметном кармане под коленом.

Если на него не навалятся внезапно из засады сразу десяток человек с аналогичной подготовкой – пробьется хоть в гостиницу, хоть в любое другое место.

Вначале инстинкт и тревога за судьбу Татьяны подсказывали ему идти по пути наименьшего сопротивления, то есть по-тихому, а уж если не выйдет, то с боем, проникнуть в «Бристоль» и дальше действовать по обстановке. Для егеря с его уровнем подготовки и стажем проблем почти что и не было.

Однако вовремя Тарханов вспомнил и другое. Он же сейчас не просто частное лицо, озабоченное лишь спасением своей подруги. Он офицер управления спецопераций. И не просто офицер даже, а целый начальник отдела. Следовательно, ему более пристала другая линия поведения. И другой взгляд на ситуацию.

Угнетало, конечно, что Татьяна, девушка почти что забытая и вдруг снова встреченная, пусть и в иной роли и качестве, находится сейчас, возможно, в смертельной опасности или уже стала игрушкой остервенелых террористов. Слишком уж хорошо помнилась Тарханову улыбочка, с которой рыжий боевик смотрел на красивую девушку Свету. Предвкушал классное развлечение, на мягких кожаных подушках шикарного «Мерседеса» или прямо на придорожной травке.

Но какой же ты старший командир, если готов изменить долгу ради женщины?

А с другой стороны, в чем твой долг, полковник? Твое ли это занятие – воевать с очередной дикой бандой, ежели все это в прошлом и твоя служба теперь – другая.

Среди в изобилии покрывающих склон плоских камней Тарханов нашел подходящий, приподняв который можно было спрятать сумку с ненужным сейчас имуществом.

А остальное – вот оно.

Такие варианты они в отряде «Печенег» тоже проигрывали.

Короткие белые трубки свинтились в стандартную трость слепого, какие выдаются в соответствующих организациях. Правда, внутри ее рукоятки помещались пять спецпатронов солидного калибра, со страшным останавливающим действием.

Сергей надел очки, снаружи абсолютно черные, а изнутри вполне прозрачные, взял еще и плетеную сумочку-авоську с батоном хлеба, бутылкой молока, банкой рыбных консервов и пакетом корма для собаки. Все это было приготовлено еще в Москве, не на такой вот именно, но на соответствующий случай. Если бы вдруг пришлось выслеживать «Кулибина» не в удобной расположенной вилле, а на городских улицах или в институте.

И внешний вид предметов скромного рациона инвалида отнюдь не соответствовал содержанию. В случае чего пару танков или долговременную огневую точку взорвать можно.

Еще готовясь отправляться на Ближний Восток, Тарханов проштудировал литературу о нравах и обычаях тамошних обитателей.

В том числе и «Постановления Мухамедданского права относительно войны с неверными», составленные средневековым теоретиком ислама Кудури.

Как там было написано: «Неприлично мусульманам нарушать клятву, употреблять хитрость, уродовать людей, убивать женщин, стариков дряхлых, детей, слепых, хромых, если никто из них не будет участвовать в войне своими советами или если женщина не будет царницей. Непозволительно убивать безумных».

В данный момент он в войне не участвовал, даже советами, и, следовательно, вполне попадал под указанные условия.

Если, конечно, его противники так же хорошо начитаны и считают данные правила сохраняющими силу в текущей исторической обстановке.

От Базарной площади, что было очень естественно, мимо Гостиного Двора, он пошел вниз по Армянской улице, которая выводила к угловому зданию почтово-телеграфной конторы, наверняка захваченной террористами.

Повадки слепых Тарханов тоже осваивал на курсах, поскольку это очень удачная форма маскировки.

Здоровые люди не просто сочувствуют слепым, они их даже немножко боятся. Точнее – не их. Они боятся на них лишний раз посмотреть. Уж очень страшно вообразить себя в подобном положении. Без ног – пожалуйста, переживем. А вот слепым... Почти что как прокаженным.

Сергей шел вниз по улице, вымощенной круглым, отполированным двумя веками булыжником, по которому в свое время наверняка ходили и ездили в экипажах Лермонтов, Бестужев-Марлинский, княжна Мери, доктор Вернер, майор Мартынов, генерал Верзилин со своими дочками и много-много других литературных и исторических персонажей. Да и сам Тарханов, помнится, ранним сентябрьским утром 1993 года катился здесь, притормаживая двигателем дешевенького мотоцикла.

Как тогда волнующе и тревожно пахло сжигаемыми на кострах осенними листьями... И тоже стелился между домами и заборами молочный туман.

Свернув направо, он пошел вдоль Царской улицы, постукивая тростью то по тротуару, то по стенкам домов.

В самый центр заварухи.

Одиночные выстрелы винтовок и карабинов явно звучали от квадрата массивных каменных зданий «Присутствий»: городской управы, госбанка, полиции.

Строились они в середине позапрошлого века и для обороны были приспособлены великолепно.

В этом и заключался просчет террористов. Напали они в самое неподходящее время. За полчаса до развода. Вечерняя смена охраны банка не успела уйти, а утренняя уже пришла. Соответственно и наряды патрульно-постовой, дорожной, городской и участковой служб оказались на месте в двойном комплекте. И успели занять оборону.

На полчаса бы позже или раньше – начини отдежурившие и сдавшие оружие люди расходиться по домам, все сложилось бы совсем иначе.

А тут вышло так вот.

Кося глазом в сторону интересующих его зданий, Тарханов видел, что положение атакующих безнадежно.

Не более двадцати рассыпанных в цепь людей вяло постреливали по окнам и дверям домов, для штурма которых нужен был, как минимум, тяжелый танк с шестидюймовой пушкой. Танка здесь не было, зато вне зоны досягаемости огня из окон вдоль тротуара вытянулась колонна из семи грузовиков, оборудованных для перевозки людей.

Если они приехали сюда с полной загрузкой...

«Семью тридцать – двести десять, – прикинул Сергей. – Ну, пусть сто пятьдесят, если еще и оружие, и боеприпас везли. Где остальные?»

И тут же понял, что удивляться нечему. Имеет место очередная отвлекающая операция.

Ни один боевой командир не свяжет свои войска бессмысленной осадой, когда единственным вариантом является только штурм.

Значит, цель – не здесь. Одна блокирующая группа заперла все наличные вооруженные силы города в каменном мешке, другая, наверное, также демонстративно и бессмысленно осаждает следственный изолятор номер два, он же тюрьма, он же «Белый лебедь», а основная часть банды может действовать совершенно свободно.

Тогда – где главная цель? Ищут Маштакова? Допустим, тот, кто бросил сюда банду, надеялся, что сможет это сделать. Что его не вывезли стремительно, а спрятали в подвалах МГБ. Через час убедился, допросив того же начальника ГБ, что птичка улетела и местная контрразведка вообще ни при чем.

Дальнейшие действия?

По широкой красивой улице, где хорошо бы гулять летними вечерами с эффектными девушками, с женой и детьми на крайний случай или с приятелями круизить по кабакам, он шел, постукивая тросточкой, совершенно один.

Ни души до самой площади, где расходятся трамвайные пути, к вокзалу и вверх, к Лермонтовскому разъезду.

Первая пуля проныла над головой и ударила в стену на метр выше.

Слепой не понял, что происходит, начал недоуменно вертеть головой.

Но Тарханов видел, кто и откуда стреляет, и мог бы положить их в следующую же секунду. Однако стреляли явно без намерения убить, иначе не промахнулись бы так сильно. Забавлялись скорее всего.

От крыльца почтово-телеграфной конторы и городского радиоузла, которые захватить удалось сразу же, поскольку охрана там всегда была чисто номинальной (вахтер с нечищеным наганом на проходной), отделился совершенно местного вида карачаевец с автоматом «ППД» в руке, пересек трамвайные пути, остановился в трех шагах слева и сзади.

Как и положено, слепой прислушался, наклонив голову.

– Сударь, вы что-нибудь понимаете? Это здесь что, стреляют? Почему?

Лицо Тарханов постарался сделать именно таким – тупо-изумленным. И авоська у него в руках дрожала, позвякивая содержимым.

– Отец, – сказал карачаевец неожиданно мягким голосом, – ты где живешь?

Тарханов не думал, что черные очки настолько его старят. Впрочем, он и не брился со вчерашнего утра, а щетина у него отрастала быстро. Ну, тем лучше.

– Сынок, живу я там, за Казенным садом, за углом. А работаю в скорняжной мастерской, возле Торговых рядов. Вчера немножко выпили на дне рождения у товарища, я и заночевал. Утром проснулся – никого. Вот я и пошел домой. На улицах совсем людей нет, и слышу – стреляют. А почему стреляют?

– Иди, иди, папаша, если дорогу знаешь. Зачем стреляют, не твое дело. Радио сегодня что, не слушал?

– Нет у нас в мастерской радио. Хозяин не поставил. А что передавали? Ученья, да?

– Ученья. Гражданская оборона. Медленно иди, вот так, под стеночкой, потом за угол. Там тихо будет. Понял, нет?

– Понял, понял...

В последний раз оценив позиции захватчиков, Тарханов, выставив перед собой трость, пошел, куда сказано.

Цель рекогносцировки достигнута.

Работать будем в другом месте.

Скрывшись с глаз соблюдающего исламские установления горца, Сергей повернул не влево, а вправо.

В удаленных от центра событий улицах и переулках обыватели уже понемножку начали выходить из домов по своим неотложным делам. Но перемещались торопливо, в любую секунду готовые скрыться во дворах и подъездах. Мнениями обменивались тоже опасливо и только со знакомыми. Незнакомых людей сторонились.

Вообще Пятигорск поражал своим безлюдьем. Жители оказались настолько дисциплинированными или просто напуганными, что не только не появлялись на улицах, но и в окна, кажется, старались не выглядывать, не говоря о том, чтобы на автомобилях развезать.

Знакомая Тарханову картина. Но дикая для давно забывших о войнах территорий коренной России.

Сергею приходилось бывать в городах за пределами Периметра, оказавшихся в зоне боевых действий, в том числе и оккупированных каким-нибудь противником. Там было совсем не так – в тех или иных формах жизнь продолжалась. Торговали лавки и базарчики, работали питейные заведения, водители автомобилей и мотоциклов ухитрялись проскакивать через простреливаемые зоны да потом еще гордились друг перед другом пулевыми пробоинами в стеклах и кузовах.

Здесь же город словно парализован страхом или заколдован. Нечто подобное Сергей видел, кажется, только в Джибути, там во время абиссинско-сомалийского конфликта практически все население бежало в горы, и две недели патрули мобильных сил Союза контролировали вымерший город, отражая попеременные попытки противоборствующих сторон завладеть спорной территорией.

Но и коренных жителей, и отдыхающих понять можно. Последний раз воевали здесь более восьмидесяти лет назад, когда войска 11-й армии красных заняли Ставропольскую губернию и области Кубанского и Терского казачьих войск, оттеснив Деникина к Нальчику, а потом командарм Сорокин, возмущенный политикой большевиков, поднял мятеж, расстрелял в полном составе Северо-Кавказский ЦИК и перешел на сторону белых, беззастенчиво нацепив на черкеску генеральские погоны. Деникин с этим согласился и утвердил его в чине, хотя в старой армии Иван Лукич был лишь поддесаулом. (Одна из центральных улиц Пятигорска с тех пор носит его имя.)

Даже и в приступе белой горячки вряд ли привиделось бы кому пробуждение в городе, захваченном хорошо вооруженной и тактически грамотно действующей бандой неизвестной принадлежности. И желающих подставлять головы под пули неизвестно ради чего не находилось. Продлись оккупация еще несколько дней, нужда заставит народ, конечно, приспособливаться, налаживать жизнь хоть под чертом, хоть под дьяволом. И сопротивление кое-какое появится, и коллаборационисты, само собой, а в первый день лучше не высовываться.

В принципе такая ситуация Тарханова устраивала. С одной стороны – он, с другой – бандиты. И никто посторонний не путается под ногами.

Он испытывал некоторую тревогу за судьбу оставленного под камнем имущества. Вдруг кто-нибудь – да те же вездесущие пацаны, которым и война не война, – подсмотрел, как он тут его прятал.

Опасения, к счастью, оказались напрасными.

Снаряжение слепого и еще кое-какой лишней «инструментарий» Сергей прикопал на старом месте, с собой же взял только самое необходимое.

Через десять минут полковник достиг своей цели – темной подворотни ветхого двухэтажного дома, выходящей прямо на ограду заднего двора гостиницы.

На той стороне Елизаветинской улицы – высокие глухие ворота, через которые в обычное время то и дело въезжали и выезжали грузовики и фургоны, обеспечивающие бесперебойное функционирование многочисленных служб отеля и нескольких ресторанов, ежедневно представляющих пищу и кров чуть ли не тысяче гостей. Сейчас они были заперты. И по обе их стороны не наблюдалось никаких признаков жизни.

Что могло означать в лучшем случае, что обслуга и проживающие попрятались по номерам и служебным помещениям, где сидят тихо, как мыши, почувствовавшие присутствие кота

поблизости, а в худшем – что «кот» уже проник внутрь похожего на французский замок XVIII века здания.

Впрочем, достоверно судить об обстановке можно будет только на месте.

Напротив глухого четырехэтажного брандмауэра Сергей перемахнул через забор, бесшумно приземлился в неправильной формы тупичке между мусорными контейнерами на вытертые временем до блеска каменные плиты.

Осмотрелся.

Выглянул из-за угла в первый внутренний двор самого старого, постройки еще 1904 года, корпуса. Насколько он представлял себе внутреннюю планировку здания, сюда выходили окна и двери только служебных помещений и, возможно, торцовые окна коридоров с самыми дешевыми и неудобными номерами. Именно в них Тарханов поселялся, когда случалось на пару дней вырваться в Пятигорск в юнкерские еще времена.

С достаточной долей уверенности можно предположить, что его никто не заметит в те секунды, что он будет перебегать до черного хода ресторана.

Гораздо больший тактический выигрыш сулил другой путь – по пожарной лестнице на крышу и чердак, но здесь пришлось бы карабкаться не меньше двух минут, представляя собой в это время идеальную мишень даже для самого посредственного стрелка, окажись он возле одного из окон.

И тут же он увидел первые трупы. Один, в желтовато-зеленой униформе гостиничной охраны, лежал на боку, откинув одну руку и подвернув под себя другую, неподалеку от ворот. Очевидно, надеялся добежать до закрытой на кованый засов калитки. Но не успел, на несколько секунд и метров.

Второй, судя по белой куртке и черным брюкам с лампасами, официант, сидел, уронив голову на грудь, возле кирпичной стенки цокольного этажа. Этого, судя по месту и позе, просто расстреляли. Похоже, в назидание прочим возможным нарушителям приказа.

Сколько же их, захвативших здание, и где они расположились?

«Будем посмотреть».

Теперь по крайней мере начинается настоящая, привычная работа.

С пистолетом в левой, опущенной вдоль тела руке Тарханов проскользнул в дверь, по узкой и темной лестнице взлетел на площадку второго этажа. Отсюда короткий коридорчик вел к ресторанному залу, другой, подлиннее, – на склады и в кухню.

Дорогу через зал он знал, иногда приходилось поздними вечерами забегать сюда, взять в буфете вина или пива, расположения же прочих помещений не представлял.

Зато риск нежелательных и преждевременных встреч там гораздо меньше.

Он свернул налево.

В разделочном зале было пусто, а из-за двери собственно кухни слышались голоса.

Тарханов осторожно потянул на себя до блеска выдраенную сотнями рук дугообразную латунную ручку.

За длинным столом, в сером свете туманного утра, сидели несколько мужчин и женщин. Точнее – трое мужчин и четыре женщины. На столе тарелки с едой, водочные и винные бутылки. Выпивают и закусывают как ни в чем не бывало. Не рановато ли? А что еще делать людям в подобной ситуации? Тем более сотрудникам цеха, где ночь – это самый рабочий день. И наоборот – соответственно.

Сергей по-прежнему бесшумно переместился в центр обширного помещения, предостерегающе поднял пальцы к губам.

– Спокойно. Я – свой. Кто-нибудь еще здесь есть?

Мужчина лет за сорок, судя по одежде – повар, сидевший с краю, поставил на стол нали-тый до половины стакан, поднялся, избегая резких движений.

– Здесь – никого нет. Там, – он махнул рукой в сторону фасадной части здания, – там много... этих...

Подходящего термина он не подобрал или специально сохранял нейтральную неопределенность, не зная, с кем имеет дело.

– Кроме этой двери, есть еще выходы в зал?

– Есть. Через буфетную и бар. И еще одна к лифту, для спецобслуживания номеров люкс. Но они сейчас заперты.

– А вы кто будете?

– Я старший повар смены. Это – повар второй руки, он – официант. Женщины – кухарки. Мы Славу собрались помянуть. Убили его два часа назад...

– Я видел, там, во дворе. За что и кто?

– Эти ж самые, черные и убили. Нерусские. В смысле не наши, не местные. Говорят по-турецки, что ли, или я не знаю. И одеты в камуфляжи одинаковые, не нашего образца. Те, которые из местных горцев, попроще будут, держатся пожеливее, словно как даже стесняются немного.

А эти – чистые волки. Глазами по сторонам зырк-зырк, пальцы на спусках все время. Вот Слава и говорит мне, когда они первый раз сюда ввалились, потом ушли: «Я пойду». У него смена все равно кончилась. «В город я пойду, дома у меня карабин есть, – а он охотник был хороший и со службы только два года как уволился, – возьму карабин, узнают у меня эти гады...»

Повар говорил нервно и сбивчиво, выпитое уже слегка заплетало ему язык, и он будто заново переживал случившееся. Остальные сидели молча, кивали только довольно синхронно.

– Спокойнее, спокойнее. Вы присядьте, стакан свой допейте, легче будет.

Повар послушно выполнил указание.

– А они когда первый раз сюда вломились, не сюда, а в зал, бутылок сразу нахватили в баре самых дорогих, закуски холодные, жрать сели.

Нам говорят – сидите и не высовывайтесь, и чтобы с кухни не ногой. Обед чтобы им приготовили, самый лучший. Но – без свинины. А потом, когда уходили, Юлю с собой забрали, официантку, красивая у нас самая, и со Славой у них симпатия была...

Ну вот он тогда и говорит мне: «Пойду я». Как там они с Петром сговорились, он охранник был второго этажа. И с оружием. Что там случилось, я не знаю, только стрельбу услышал, сначала на лестнице, потом во дворе. В окно я успел выглянуть. Петр из пистолета стрелял, а Слава у калитки засов дергал. От дверей из автоматов замолотили. Мне не видно было, но сразу из нескольких. Сначала Петр упал, потом Слава. Но его только ранили сначала, потом набежали, скрутили, человек пять или шесть, бить начали, и прикладами, и ногами, и тут же к стенке оттащили – и все...

Повар махнул рукой и налил себе еще. Женщины дружно принялись всхлипывать и вытирать глаза. Повар второй руки и официант, по-прежнему молча, тоже потянулись к стаканам.

– Помянете с нами раба божьего Вячеслава?

– Обязательно, только попозже. Дальше что было?

– Ничего не было. Мы думали, за нами тоже придут, да пока все тихо... Вот и поминаем, а то другого раза, может, и не будет.

Тарханов сочувственно кивнул:

– Только вы, боюсь, до того напоминаетесь, что обед приготовить не сможете. Вот тогда... – Он не стал говорить, что будет тогда. – Так что пока завязывайте. И – к делу. Кто тут у вас самый наблюдательный? Сколько всего человек видели, чем вооружены, где располагаются, еще какие подробности заметили?

В разговор вступил молчаливый официант с лицом человека, повидавшего жизнь с разных сторон. Ему бы не простым официантом служить, а как минимум метрдотелем. Да мало ли он чем еще занимается, кроме прямых обязанностей.

– В семь часов утра в ресторан приходило до пятнадцати человек. У четырех или пяти были наши автоматы, у остальных – неизвестной мне конструкции. Андрей Глебыч правильно сказал: большинство не из России. Славу убили чуть позже восьми. До этого в буфет забегало еще три раза по два человека. Другие. Брала в основном пиво и сигареты. На этажах несколько раз слышны были выстрелы и крики. В основном – женские. Так что можно предположить, гостиницу захватили человек тридцать-сорок... Размещаются? Ну, скорее всего, блокируют все три парадных холла, перекрестки главных коридоров на этажах, в эркерах и балконах могут засесть, чтобы подходы с улицы прикрывать. Но это уже мои догадки...

– Молодцом, – искренне похвалил официанта Сергей. – В войсковой разведке служить не приходилось?

– И без разведки кой-чего соображаю. Попробуйте каждый день в голове по сотне заказов держать и не путать, кому из гостей что подать... А вы из каких? Не местный? Я тут пять лет работаю, а вашу личность ни разу не заметил.

– Из приезжих я. В гости приехал, а у вас такие дела. Знакомую ищу, Любченко Татьяну Юрьевну. Она здесь в турагентстве работает. Не знаете?

– Как же не знаем! Видная женщина. Сегодня ночью дежурила, два раза кофе пить заходила. Должна была в восемь смениться, да уж вряд ли... А ну-ка, пойдемте со мной.

В кабинете с табличкой «Метрдотель», обставленном побогаче, чем у иного предпринимателя средней руки, официант, так и не назвавший до сих пор своего имени, указал на один из трех телефонных аппаратов на приставном столике.

– Это – чисто наша, ресторанный связь. Станция здесь же, к гостиничному узлу не подключена. Попробуем. У нас на четвертом этаже малый банкетный зал прямо напротив турбюро. Может, и найдем кого...

– Звать-то вас как? – спросил Тарханов, проникаясь к официанту все большим уважением. На такого парня, пожалуй, можно рассчитывать.

– Вообще-то я Иосиф, но обычно зовут Эдиком.

– Погоняло⁴, что ли?

– Зачем же? Иосифом никто не выговорит, будут Ёсей обзывать, а мне это не в жилу.

Он быстро прокрутил диск на три цифры, подержал трубку возле уха. Где-то после десятого гудка, когда Тарханов уже потерял надежду, с той стороны ответили.

– Марина, это ты, Мариночка? Здесь Эдик. Как у вас там? Все живы? Вот и молодцы, сидите, не высывайтесь... Хотя как раз сейчас приложи ухо к двери, послушай, все тихо? Если тихо, выгляни в коридор остороженько. Девчонки в интуре, если на месте, Татьяну к телефону подзови... Работай.

Он опустил трубку.

– Вроде там порядок. Четвертый этаж, в самом углу, дверь банкетного обычная, без вывески. В турбюро табличка маленькая, да и на хрена бандюкам гида-переводчика нанимать?

– Резонно, – рассеянно ответил Сергей, веря и не веря, что сейчас может услышать в трубке Татьянин голос. Если она жива и в порядке, тогда у него и руки будут развязаны, и голова от лишних забот свободна.

– Держите, она вас слушает...

С непривычно екнувшим сердцем полковник взял трубку.

– Таня? Здравствуйте, Таня, это Арсений говорит...

– Арсений? О боже! Откуда вы звоните, где вы? А у нас тут такой ужас...

⁴ Погоняло – воровская кличка.

– Отсюда и звоню, Марина знает, откуда. Я же обещал прийти. Ну, пришел чуть раньше, в связи с изменившимися обстоятельствами. У вас там как? По коридорам не ходили, в дверь не ломились?

– Нет, у нас на этаже пока тихо. Но здесь только разные конторы в основном, работают с девяти, так что все заперто. Только я с напарницей и девочки напротив. Арсений, скажите, что нам делать?

Голос у Татьяны хоть и не срывался на истерику, но ощутимо подрагивал.

– Секунду...

Обратился к Эдику:

– Спрашивает, что им делать. Отсюда туда можно аккуратно пробраться?

– Свободно. Лифтом, пожалуй, не стоит, но рядом с шахтой идет в отдельном стволе железная лесенка, аварийная как бы. И выходит рядом с дамским туалетом банкетного зала. Пройдете в лучшем виде. Практически без риска. И сразу сюда возвращайтесь. У нас, пожалуй, безопаснее всего будет. Ресторан и есть ресторан. Пожрать-попить завялятся – это свободно. А искать что-то или кого-то – зачем? Надо будет, в овощном складе спрячетесь или в посудомоечной, а то в санитарной комнате для женского персонала... Как у тещи за пазухой!

«Интересное сравнение», – подумал Тарханов.

– Таня, ждите, я сейчас за вами приду. Напарницу позовите и ждите. Минут через пятьдесят буду. Да, вот что, вы у себя в конторе дверь оставьте открытой, бумажки там всякие по полу разбросайте, ящики столов, шкафы откройте, мебель переверните. Что зачем? После объясню, вы делайте, только совершенно без шума. До скорого...

– А вы, господин Арсений, в натуре, быстро соображаете, – похвалил Тарханова Эдик, одновременно рисуясь и своей догадливостью. – Если, значит, появится на этаже кто, чтоб подумали, что шмон до них произведен и ловить больше нечего. Грамотно.

– А то, – в тон ему ответил полковник. Достал из сумки глушители, навернул на стволы обоих пистолетов. Взвел взрыватели имевшихся при нем гранат.

Эдик наблюдал за его работой с уважительным интересом.

– Серьезные у Татьяны друзья, – как бы в пространство промолвил он. – Заберете и уйдете или как?

– По обстановке. Проводите меня?

– Лестницу покажу, а там сами разберетесь. Вдруг опять гости пожалуют, следует на рабочем месте быть. Обратном пойдете – перезвоните для проверки. Только я вас умоляю – если что, за собой «хвоста» сюда не ведите. Прорывайтесь мимо нас. Ресторану и одного покойника сверхдостаточно.

Весь путь наверх Тарханов проделал бегом, на секунды приостанавливаясь на площадках, чтобы запереть ведущие на этажи двери. Так, на всякий случай, чтобы иметь прикрытый тыл.

А сам уже проигрывал в уме свои дальнейшие действия.

В трех соединенных переходами корпусах гостиницы, построенных с интервалами примерно в пятьдесят лет, должно быть много подобных внутренних коммуникаций, разобраться в которых и эффективно их заблокировать оккупанты по своей малочисленности и недостатку времени просто не могли. Даже если и привлекли на свою сторону угрозами или посулами кого-то из инженеров по эксплуатации.

От четырех до семи этажей, почти тысяча номеров, не меньше сотни технических помещений. Только в старом корпусе Сергей знал две лифтовые шахты, четыре сквозных лестничных пролета, этот, получается, пятый, а возможно, есть и еще. В двух более обширных корпусах их наверняка еще больше.

А главное, бандиты ведь не рассчитывают вести в «Бристоле» полномасштабный внутренний бой. Заняли ключевые точки, чтобы в случае чего удерживать под контролем достаточное количество заложников – хватит. На самом же деле о вторжении извне они почти и не

задумываются, не случайно же он проник в гостиницу без проблем. Не тот у них боевой опыт, не тот стиль мышления.

У входа в банкетный зал его встретила эффектная рыжеволосая девушка в форменном алом костюмчике, похожем на те, что носят в самолетах бортпроводницы. Та самая Марина. А потом ему на шею, не стесняясь, бросилась Татьяна. Станный, если разобраться, поступок. Их ведь еще ничего не связывало в этой жизни. Так, почти случайное знакомство при странных обстоятельствах.

Или ее опять пережнуло на воспоминание о прошлом знакомстве с его «двойником»? Там-то у них все было по полной программе, и расстались они без обиды, по взаимному, можно сказать, согласию.

С другой стороны, пережившие стресс и страх смерти люди бросаются на шею и совсем незнакомым спасителям.

Третья девушка, напарница Татьяны, по имени Аля, внешне похожая на армянку, держалась в сторонке и выглядела не то слишком флегматичной, не то перепуганной до заторможенности.

Зал был небольшой, но уютный, оборудованный для частных обедов и ужинов людей с достатком. Обтянутые узорчатой золотой парчой стены, резные, ручной работы кресла и столики, стилизованные под старину настольные лампы и бра. Мраморный камин с начищенным бронзовым прибором. Небольшой бар и совсем миниатюрная эстрада для выступления камерных ансамблей в углу.

Здесь можно было отдыхать и радоваться жизни, не смешиваясь с потребителями комплексных и диетических обедов.

Тарханов вдруг вспомнил, что он не спал больше суток и лишь чуть-чуть перекусил на ходу.

– А скажите, Марина, нельзя тут у вас передохнуть немного, кофейку чашечку выпить, а то и с коньячком...

Присел за ближний столик, из любопытства перелистнул книжку меню в тяжелом, как на антикварном Евангелии, переплете.

Хороший ассортимент, но цены, конечно, да, серьезные. В другом месте полный обед обошелся бы дешевле, чем здесь кофе с рюмкой коньяка. Впрочем, цены его всегда занимали мало, а уж сейчас...

– В общем, всем кофе, коньяк... или ликер? Закусить, соответственно. Решайте, девушки, угощаю всех!

Опыт ему подсказывал, что девушек надо развлечь, хотя бы даже так, изображая из себя эдакого прожигателя жизни.

Ага, одна только неувязочка вышла. Он только сейчас сообразил и запахнул куртку, из-под лацкана которой слишком непринужденно торчала пистолетная рукоятка.

Поскольку совсем не касаться событий минувшего утра было нельзя, Сергей старался перевести тему и настроения своих новых знакомых в иную плоскость. Что, мол, случившееся – дело почти житейское, в других странах, за пределами «Свободного мира», спокон веку так живут. Вот, например, в Израиле, где он был недавно, или, скажем, на Филиппинах...

– Так мы-то не на Филиппинах, Арсений, в чем все и дело, – не приняв его легкого тона, ответила Татьяна. – Жили-жили сколько лет спокойно, а теперь что, привыкать, как там?

– Ну, это, конечно, ерунда. Не сегодня-завтра с бандой разделаются по законам военного времени, тогда и разберемся, кто, зачем и почему. И ответим так, что мало не покажется. Как писал Прутков, «не только оному лицу, но даже его самым отдаленным единомышленникам...».

– Хорошо бы, – кивнула Марина, подавшая на стол и присевшая рядом, – а до этого нам что прикажете делать?

– Вот это я и желал бы с вами обсудить. Вы девушки здешние, опытные, все места знаете... Как оно будет лучше – спуститься вниз, где Эдик обещал всех в подсобках ресторана спрятать, еще куда-нибудь переместиться или остаться здесь, в расчете, что если до сих пор не пришли, то и дальше не придут, поскольку у них скоро совсем другие заботы появятся? Кстати, насчет Эдика – кто он и что? Мне показался очень сообразительным молодым человеком.

– Еще бы, – коротко хохотнула Марина.

– То есть?

– Еще бы не сообразительный. Он в Кисловодске целую сеть игорных притонов держал, попался на чем-то, два года отсидел, дело его за это время растащили, вот и пришлось в официанты податься... Но надежды подняться снова не теряет.

– Ну, дай ему бог. Может, и поднимется, если снова не ошибется...

Слова его прозвучали несколько двусмысленно.

– Я бы предпочла остаться здесь, – ответила на первую часть вопроса Татьяна. – Уйти можно в любой момент, если возникнет опасность, но пока здесь, мне кажется, спокойнее. Двери зала очень прочные, просто так их не сломаешь, а пока будут ломать, мы успеем убежать. Тут есть еда, можно даже поспать, а там, внизу, я не знаю...

Аля кивнула.

– Значит, остаемся, – подвела итог краткого военного совета Марина, ощущавшая себя здесь хозяйкой, да и вообще выглядевшая девушкой смелой и решительной. Как, впрочем, свойственно большинству ее коллег по профессии.

И решения надо уметь принимать быстро, когда возникают острые ситуации, например, с подгулявшими гостями, и риска не бояться, и без стихийного знания психологии не обойдешься.

– Значит, договорились. Вы остаетесь здесь, сидите тихо, ни во что не вмешиваетесь, на провокации не поддаетесь. Дверь можно дополнительно забаррикадировать, хотя бы и этим сервантом, и диванами тоже. А для меня ваше убежище будет запасной оперативной базой...

– Что вы собираетесь делать, Арсений? – с тревогой спросила Татьяна.

– Вы же знаете мою профессию, Таня? Как же я могу отсиживаться вместе с женщинами, если враг захватил часть территории моей страны, защищать которую я присягу давал? Сейчас схожу на разведку, а уж дальше – по обстановке. Кстати, из вас кто-нибудь стрелять умеет?

– Я умею, – опять заявила о своей лидирующей роли Марина. – В институте занималась в стрелковой секции. Больших успехов не добила, – самокритично призналась она, – но серебряный значок «Меткий стрелок» у меня есть.

– Оставить вам на всякий случай? – Тарханов протянул ей на ладони штатный армейский пистолет Воеводина, который, впрочем, за ним официально не числился.

– Оставьте. Из него я умею. Не отобьемся, так хоть застрелиться успеем. Я не чужда определенных занятий, но ежели меня вздумают насиловать полсотни грязных чурок – увольте...

– Не думаю, что у них вскоре появится время именно для таких развлечений. Держите, Марина, только прошу никому, кроме здесь присутствующих, его не передавать. И, будет время, поучите девушек, как с ним обращаться.

Он протянул Марине пистолет и запасной магазин на восемнадцать патронов.

– А я, пожалуй, пойду...

Глава третья

Из прихваченной с собой спортивной сумки, не вызывающей затрапезным видом ни любопытства, ни подозрений, он достал и в несколько секунд собрал штурмовой пистолет-пулемет «рапира», стреляющий совсем недавно разработанными и совершенно секретными бесшумными и беспламенными патронами. Ничего подобного на вооружении даже самых передовых иностранных армий пока еще не имелось. Жаль только, что снаряженных обойм у Тарханова имелось только три.

Еще он взял с собой в рейд шесть гранат. Две оборонительные, в чугунных рубашках, с разлетом осколков до трехсот метров, две наступательные, безоболочечные, но снаряженные мощным тротиловым зарядом, и еще две светозумовые, ослепляющего и шокирующего действия. На первый случай хватит, а потом он станет пользоваться трофеями.

Сомнений в успехе своей миссии полковник не испытывал, театр военных действий представлялся ему идеальным для бойца с его подготовкой и, соответственно, максимально неудобным для террористов.

В прихожей банкетного зала, перед тем как отпереть дверь, Марина, не обращая внимания на стоящую рядом Татьяну, улыбнулась совершенно не согласующимся с обстановкой образом.

– Возвращайтесь, Арсений, мы будем вас очень ждать...

После этого Татьяна, чувствуя себя несколько глупо, смогла только пожать Сергею руку и кивнула с несчастным и растерянным видом.

...Коридор четвертого этажа до первой лестничной площадки Тарханов прошел свободно.

Здесь позиция усложнялась.

Слева от него располагался небольшой холл, с раскидистой пальмой-хамеропс посередине, в который выходили двери трех номеров полулюксов, по имевшейся информации – ко вчерашнему вечеру незаселенных.

Вправо тянулся длинный, метров в пятьдесят, коридор одноместных и двухместных номеров невысокого класса.

Прямо и чуть сбоку двойная, сплошь остекленная дверь вела на широкую лестницу с перилами в стиле модерн.

Сергей, прислушавшись, скользнул за массивную дубовую бочку, из которой росла пальма, свешивавшая свои перистые листья чуть не до самого пола.

Отсюда на всю длину просматривался коридор, в самом его конце маячил на фоне торцового окна силуэт человека, вооруженного то ли штурмовым автоматом, то ли коротким карабином.

Постояльцы, очевидно, выполняя приказ террористов, сидели по номерам, ожидая решения своей участи.

Налетчики поступили грамотно, не став сгонять заложников в залы, холлы и тому подобные обширные помещения. Гораздо проще, технически и психологически, контролировать двери трех десятков номеров единственным постовым, способным пресечь любую попытку неповиновения, нежели постоянно держать на прицеле скученную в одном месте массу людей.

И хоть как-то заниматься проблемой их жизнеобеспечения.

Попытки же отдельных смельчаков выбраться из гостиницы через окна были, во-первых, маловероятны, во-вторых, при общем числе заложников, принципиального значения не имели, и, наконец, в-третьих, несколько боевиков группы прикрытия, занявшие позиции снаружи здания, всегда могли подобную попытку пресечь. Быстро и эффективно.

Но эта же тактическая схема, в свою очередь, невероятно облегчала действия Тарханова. «Язык» был ему настоятельно необходим, только вряд ли на его роль подходил придурок, поставленный охранять столь незначительный участок фронта. Серьезные люди должны решать более важные задачи.

В свой карманный бинокль Сергей не спеша рассмотрел человека, жить которому оставались считанные секунды.

Юнец, лет двадцати от роду, скулы и подбородок покрывает редкая щетина, не успевшая превратиться в полноценную бороду. На голове войлочная сванская шапочка, нечто среднее между тибетейкой и ермолкой, винтовка «гаранд М-1» свисает вниз стволом с плеча. Полусидит боком на подоконнике, курит, болтая ногой в шнурованном высоком ботинке.

Чем-то неуловимо похож на тех первых трех боевиков с горной тропы в Палестине.

«Что ж, пацан, ты сам себе выбрал судьбу», – словно бы извиняясь перед кем-то или чем-то, подумал Тарханов.

Правда, пожить еще несколько минут отвела террористу судьба. Полковник не хотел стрелять именно сейчас: отброшенный пулей труп вполне может выбить стекла, произвести ненужный шум. Значит, придется подождать, когда он устанет сидеть и у него затекут ноги.

Нужный момент наступил скоро.

Докурив сигарету, боевик поискал глазами, куда бы бросить окурок, что выдавало в нем некоторую цивилизованность. На пол, затянутый ковровой дорожкой, ему было вроде и неудобно. Встал с подоконника и направился к ближайшей урне.

Трех его шагов Тарханову вполне хватило. Пенек мушки он подвел к солнечному сплетению клиента. Самое подходящее место – и нервный узел, и артерия, и вена, умрет мгновенно и без звука.

Выстрел прозвучал тише, чем хлопает извлеченная умелой рукой пробка из бутылки шампанского.

Девятимиллиметровая полуоболочечная пуля вошла точно туда, куда целился полковник.

Боевик дернулся, сделал попытку шагнуть вперед, но ноги у него подогнулись. Он грузно сел на пол и медленно опрокинулся на спину.

Никакого разведывательного интереса он и в самом деле не представлял. Винтовка, четыре подсумка на поясе, в карманах ничего, кроме пачки сигарет и незначительной суммы денег. Солдат-новобранец или же лагерная шестерка, как посмотреть.

Труп Тарханов оттащил в пустой номер, который вскрыл десантным ножом. Запер в туалете, затвор винтовки и патроны высыпал в унитаз. Ему они были ни к чему.

Бесшумно и стремительно скользя по переходам старого корпуса, почти аналогичным образом он ликвидировал еще троих боевиков, полностью очистив четвертый этаж. Но это было самой легкой задачей.

Тарханов предполагал, что переход в центральное здание, выстроенное в середине прошлого века в конструктивистском стиле а-ля Корбюзье, прикрывается гораздо серьезней.

Просто потому, что там имеется обширный холл, из которого лучами расходятся три широких коридора, а по сквозному межэтажному стволу снизу доверху идут прозрачные шахты лифтов.

Сам бы он обязательно разместил там не меньше трех огневых точек.

Не лучше ли сначала пройти сверху донизу здесь, где архитектура куда больше способствует атакующему, чем обороняющимся? В случае удачи он прихлопнет еще до десятка боевиков, а силы их и так ограничены.

При этом Тарханов понимал, что подсознательно пытается просто слегка оттянуть момент решительной схватки.

На третьем этаже он убил двух террористов, увлеченно игравших в нарды за столом дежурной. Эти его немного порадовали, потому что на вооружении у них имелся ручной пулемет «РПД-58» с двумя барабанными дисками на девяносто патронов каждый, а также целых семь немецких гранат с длинными деревянными ручками. Теперь огневая мощь боевой единицы полковника (единицы в буквальном смысле) значительно возросла.

Из застекленного шкафчика дежурной Сергей забрал висевшие там ключи с нумерованными жетонами. В случае чего пустые номера ему могут пригодиться.

И почти сразу же вмешалась, как любил выражаться боевой товарищ Ляхов, «неизбежная на море случайность».

Стоило Тарханову свернуть в очередной коридор, как в одном из номеров посередине распахнулась дверь и из него вывалились несколько порядочно пьяных боевиков. Дисциплина в захватившем Пятигорск отряде явно не стояла на должном уровне. В подобном случае – то есть если бы его бойцы начали веселиться и пьянствовать в процессе выполнения задачи – полковник не остановился бы и перед предельно жесткими мерами.

Бросив на пол металлически лязгнувший пулемет, он едва успел вскинуть свою «рапиру». Стрелять пришлось практически не целясь и не считая патронов.

На полу образовался завал окровавленных тел. Но один, невредимый или раненый, метнулся назад. Прогремел нормальный, пистолетный выстрел, показавшийся, на фоне предыдущих, необыкновенно громким.

Тарханов выругался вслух. Случилось самое неприятное. Сейчас поднимется шум, и воевать придется всерьез, лицом к лицу.

Сергей уже готов был швырнуть в открытую дверь гранату, но в последнее мгновение сдержался. Непонятно почему. Интуиция, наверное.

В три длинных прыжка он преодолел отделявшее его от номера расстояние, прижался спиной к стене и вдруг услышал стоны и поскуливание, производимые явно женскими головами.

Боевик стоял посреди просторной комнаты, представлявшей собой подходящую декорацию для фильма о развеселой жизни махновцев в годы Гражданской войны.

Круглый стол, заваленный грязными тарелками, ломаными буханками хлеба, обедками, пустыми и полными бутылками, пепельницами с горами воняющих окурков. Сам же террорист забился в угол между оставшейся от прошлых времен, ныне декоративной кафельной печью и массивным резным буфетом. Перед собой он выставил двух совершенно голых женщин, с явными следами насилия на телах и лицах.

Одна была молодая и совсем недавно, похоже, красивая. По крайней мере, фигура у нее соответствовала самым строгим стандартам. Второй было прилично за сорок, крупные груди давно потеряли форму, и живот без соответствующей поддержки слишком уж выдавался, но остатки былой привлекательности она еще сохраняла.

По ссадинам, кровоподтекам, засосам на груди и шее видно было, что измывались над ними долго и изощренно. Возможно, это были мать и дочка, а может, просто случайные соседки по номеру, разбираться Сергею было некогда.

Их платья и белье были разбросаны по всей комнате.

Ствол пистолета бандит держал у виска молодой, сам же прятался за обширным торсом и бедрами старшей.

– Не подходи, застрелю обеих, – сам дрожащий от страха, прошипел горец, которому в родном ауле возраст вряд ли позволил бы заниматься подобными играми.

Тарханов в ответ на эту угрозу только внутренне усмехнулся. Слышали, не раз слышали. А этот «герой» с кровоточащей пулевой ссадиной на лбу наверняка видел такие сцены только в заграничном кино.

– Застрелишь, – кивнул полковник, держа «рапиру» у бедра. – А потом? Тебе и так и так подышать. А ну, брось пушку...

– Убью, – севшим голосом повторил террорист. Акцент у него был, пожалуй, грузинский. – Они мои заложники. Я с ними сейчас пойду, а ты стой на месте...

– Канешна, – передразнивая, ответил Тарханов. – Иди, да...

Ствол автомата смотрел точно в лоб грузина.

– Убери, я уйду. Там отпущу женщин...

– Да, отпустите нас, – плаксиво-хриплым голосом повторила старшая. Молодая молчала, подкатывая глаза и явно готовясь упасть в обморок. По щекам ее непрерывно текли слезы.

– Отпускаю, идите, – кивнул Тарханов, делая шаг в сторону и открывая проход к двери.

– Брось автомат, – наглея, потребовал боевик.

– Уже, – ровным голосом ответил Тарханов, полагаясь на свою реакцию, выбросил руку вперед и с четырех шагов вогнал пулю точно между глаз бандита. Кровь брызнула на женщин, а мозги – на кремовые с золотым тиснением обои.

Молодая тут же исполнила свое намерение и таки хлопнулась в обморок, а старшая отскочила в сторону и, нимало не стесняясь своей наготы (а чего теперь уже стесняться), начала стирать кровавые сгустки со щеки и грудей.

Тарханов испытал мгновенное желание развернуться и выбежать из номера, потому что нечего ему теперь тут делать, а через минуту или через несколько минут на звук выстрела набегут остальные-прочие в достаточном количестве, и придется принимать безнадежный бой в тупиковом коридоре...

И все же...

Тем более заметил он кое-что, что могло помочь в дальнейшем.

Только бы времени хватило.

– Уходите отсюда, быстро. В любой номер, только подальше по коридору, вот ключи...

Он видел, что старшая женщина сохраняет достаточное самообладание, чтобы понять его слова.

– Только быстрее, бегом, бегом...

Сам он немедленно начал затаскивать из коридора в прихожую тела убитых боевиков.

Бросал, лишь бы поскорее, и в ванную, и просто на пол в комнате, и спешил за другими.

На женщину пришлось прикрикнуть еще раз:

– Да кончай ты своим барахлом заниматься! Накинь, что под руку попадет, и вон отсюда!

Молодая, получив от старшей пару хлестких пощечин, пришла в себя в достаточной мере, чтобы подняться на ноги.

– Проч-чь! – свирепо выкрикнул Тарханов в последний раз, и женщины исчезли, похватав с полу какие-то свои тряпки. Причем старшая не забыла в последний момент приостановиться и забрать из стенного шкафа бархатную сумочку и какой-то баул.

Взять у убитых из оружия было нечего, полковник и так был обвешан им сверх всякой меры. Зато их одежда ему приглянулась.

Он просунул руки в рукава камуфляжной, похоже, турецкого образца куртки, натянул на уши вязаную шапку верблюжьей шерсти, сверху обернул ее зеленой лентой с черными арабскими закорючками.

Пойдет.

А главное, подхватил с подоконника забытый кем-то из женщин пышный каштановый парик. Он и привлек его внимание с самого начала.

Умело поставил поперек двери растяжку из трех немецких гранат, причем оставил полотнище слегка приоткрытым, да еще и вытянул наружу руку одного из покойников, в которую вложил его же пистолет.

А сам тоже метнулся через коридор в заранее присмотренный номер наискось и напротив, рядом с очередной запасной лестницей, скрытой вполне неприметной дверью.

Успел, что называется, тик в тик.

Со стороны площадки главного холла послышался топот многих ног и бессвязные крики.

А Тарханов уже боялся, что случайный пистолетный выстрел мертвого боевика остался неслышанным.

Рвануло здорово! Так здорово, что со стены даже отдаленного метров на двадцать номера кусками посыпалась штукатурка. И звон высыпающихся стекол тоже был хорошо слышен еще через две или три секунды после взрыва.

И перекрытия содрогнулись, но выдержали. Что значит старая постройка! Она же, со своими полутораметровыми стенами, хорошо усилила силу взрыва каких-то четырехсот граммов тротила, выплеснувшегося всей своей мощью в коридор, сметая неудачников.

Неудачник – это тот, кто оказался в неподходящее время в ненужном месте.

В номере, где сработала гранатная ловушка, вышибло не только двери, вылетели еще и порядочные куски старого, бурого от времени кирпича, но с яркими розовыми изломами. И несколько бандитов валялись на полу уже разделанные на фрагменты.

Воняло тротильным дымом, пылью, кровью и кое-чем похуже.

Однако живых осталось еще человека четыре, прилично контуженных, но живых, ползающих от стены к стене, подобно сглотившим добрую дозу китайского порошка тараканам.

Тарханов добавил поперек затянутого сизым вонючим дымом коридора (поганая все-таки у немцев взрывчатка), из пулемета.

Вот теперь – все! Мизерекордиа⁵, если угодно.

Еще не успели гильзы осыпаться на ковровую дорожку, а полковник уже стремительно рванул вниз по узкой запасной лестнице до самого первого этажа. Шум теперь будет там, а здесь есть возможность перевести дух.

И, заскочив в женский (который оказался поближе) туалет, Тарханов принялся пристраивать к подбородку предусмотрительно прихваченный парик.

Борода, конечно, вышла так себе, но если издали, в полумраке коридоров, то сойдет. Вообще сам себе он в зеркале понравился. Абсолютный шахид, обвешанный оружием, как и следует, а уж если учесть, что десяток арабских фраз и слов он еще помнит, так и совсем хорошо. Пригодится усилить беспорядок и панику. А паника будет классная, в этом уж Тарханов не сомневался.

Сергей, закрыв дверь на внутреннюю защелку, испытывая великолепное чувство временной безопасности, сел на крышку унитаза и закурил.

Вот бы сюда тех самых литературных критиков.

Как, господа, дальше поступать-то будем?

Признаемся, что стрелять не умеем, и уметь приличному человеку это неприлично, и что грешно так вот убивать честных бандитов, отнюдь не рассчитывавших на подлое сопротивление злобного гяура?

Тарханов вздохнул.

В дикой стране жить приходится все-таки.

И он окончательно понял, что согласится на любые предложения наперсников Великого князя. Даже те, которые казались ему слишком уж радикальными в рассуждении восьмидесятилетней демократии.

Что бы там ни было впредь, хуже, чем есть, не будет.

А в ближайшие десять минут он устроит борцам за свободу такое...

⁵ Милосердие (лат.) – название кинжала, которым добивали поверженных рыцарей.

Главное – взять хотя бы двух-трех толковых «языков», которые расскажут, что почем. Но как?

Убивать, кого придется, легко, а вот найти, захватить, оставив в живых именно тех, кто хоть что-то толковое знает, – как?

Тарханов докурил папиросу «до фабрики» и тут же запалил вторую.

В самое время, хотя и неожиданно, загудела в кармане рация.

Он и забыл уже о ней. И о том, что просил в своей записке связаться по указанной частоте.

– Слушаю...

– Назовите позывной, – спросил искаженный помехами, но все равно привыкший задавать вопросы голос.

– Горный егерь.

– Ты что, правда Неверов? – в голосе звучало изумление.

– А ты?

– Капитан Кабанец. Сейчас – командир учебно-тренировочной базы училища. Мне кажется, я тебя помню.

А вот Тарханов – нет. Так и сказал.

– Я двумя курсами младше учился. Вы в девяносто четвертом командой взяли первый приз на окружных по пятиборью. Нет?

Было такое. Причем в команде выступали одновременно и Тарханов, и Неверов. Так что, если придется встретиться, инкогнито, возможно, сохранить удастся.

А хрена ли сейчас в том инкогните?

Но капитан, летящий где-то там над ставропольскими степями в вертолете, желал еще каких-то подтверждений. Вполне естественное чувство. И так ситуация шоковая.

– А все же, чем еще подтвердишь, что это ты?

– Чтоб поверил, что я тот самый, – скажу. «Половая машина». Достаточно?

Собеседник хмыкнул. Действительно, тут любой вражеский агент отдыхать может. Начальник курса у них был полковник Пола, имевший редкостный по тем временам лимузин «Влтава». Вот его и называли юнкера тем самым экзотическим именем.

– Годится. Так я слышал, ты погиб вроде бы.

– Пропал без вести, а это разные вещи. Но хватит воспоминаний. Ты где?

– Получили твое сообщение, сейчас на подлете. Три вертолета, две роты. Идем над Александровкой. Что у вас с обстановкой?

Александровка – длиннейшее село в мире, расположено между Ставрополем и Кавказскими Минеральными Водами. Протяженность по оси с севера на юг более тридцати километров, от Пятигорска по прямой – километров семьдесят, как раз на пределе работы рации Тарханова.

Значит, над городом ребята будут минут через двадцать пять.

– Обстановка хреновая. Город захвачен примерно тремя сотнями боевиков закордонной ориентации! Какой? Да ты что, дурной? Шведско-исландской, разумеется! Не понял, потом сам увидишь. Блокированы въезды в город, центр, расположение властей и полиции. В качестве заложников захвачен гостиничный комплекс «Бристоль». В нем около пятисот постояльцев, полсотни террористов и я. В настоящее время веду бой. Штук двадцать уже шлепнул. Остальные пока не поняли, что почем...

– Ну-у, бой... – Даже сквозь треск помех стало слышно удивление подполковника. – По твоему голосу не скажешь. И стрельбы не слышно.

– У меня оперативная пауза, – то ли в шутку, то ли всерьез сообщил Тарханов. – Я тебя о чем попрошу: сразу заходи на город из-за Машука слева и выбрасывай десант у Павловского источника. Это примерно в полуверсте от задов отеля. Пусть наступают вниз до гостиницы

переулками и берут ее в глухое кольцо. А вертолетами пройдишь на бредущем прямо вдоль Курортного проспекта и хорошенько врежешь по всему, что напрасно шевелится.

Тарханов знал, что однокашник безусловно знает топографию Пятигорска и достаточно квалифицирован, чтобы не ошибиться в целях. Если увидит с двадцатиметровой высоты боевиков, обстреливающих полицейское управление, то уж не промахнется.

– Договорились, полковник.

У Тарханова камень упал с души. Подмога близка, и с этим ощущением он сумеет за двадцать минут навести среди бандитов настоящий шорох. По крайней мере теперь боеприпасы можно не жалеть.

А сколько их, кстати? Полтора пулеметных барабана, два магазина к автомату, ну и пистолет на крайний случай. Еще гранаты.

Хватит, поскольку в трофейном оружии его никто не ограничивает.

Зато теперь можно рассчитывать действие по времени.

Пулемет на ремне через левое плечо, автомат на правом.

И вдруг Сергей замялся.

Где-то по краю сознания скользнуло – а стоит ли? Он свое дело сделал там, в Ливанских горах, и здесь тоже сделал то, что далеко не всякому под силу. Убил немало бандитов, вызвал подмогу. Вот она уже летит. И прилетит, и сделает что положено. А он их поддержит огнем, когда придет время.

Сейчас же можно и подождать немного. Жизнь – это такая приятная штука. Что ни говори, ее всегда жалко. Всякую. У него же она на удивление ладно складывается. Вот и Татьяну встретил неожиданно.

Но ведь долг – выше? И честь – выше?

И твою работу за тебя никто не сделает. Потому что на это дело ты присягу принимал, и ты уже внутри здания, а те юнкера, что будут его штурмовать, – подойдут снаружи. Не слишком понимая, что это такое – идти на штурм дома с метровыми стенами, обороняемого многочисленным гарнизоном.

Значит – вперед!

Аппендикс нижнего коридора, ведущий от ненужных, а потому и неинтересных бандитам прачечной и бельевого склада к центральному холлу, был пуст, а вот там, и над головой, на гулких чугунных лестничных площадках, раздавался топот ног, бессвязные крики, загроможденные выстрелы в никуда.

Пусть постреляют. А когда надоеет и поймут, что стрелять-то не в кого, в лучшем случае – друг в друга...

Дождавшись паузы, еще по одной заранее присмотренной внутренней лестнице Тарханов взбежал на третий этаж.

Широкая галерея, с колоннами снизу доверху, с трех сторон окружала провал центрального вестибюля.

И видно все вниз и по сторонам было отлично. За коня какой-то Ричард или Генрих предлагал полцарства. А за такую позицию?

Несмотря на суматоху и панику, охватывающие «Бристоль», кое-кто здесь сохранял выдержку и боевую дисциплину.

Пулемет на треноге выдвинут в тамбур, чтобы держать под прицелом площадку перед гостиницей и аллеей Цветника. Еще три огневые точки на подоконниках витражных венецианских окон, обращенных вверх и вниз по Курортному проспекту, а также и внутрь здания, чтобы простреливать всю окружающую холл на уровне второго этажа галерею. И расчеты на месте, бдительно контролируют отведенные им секторы.

Зато все остальные вели себя удивительно непрофессионально. Человек десять бандитов ошарашенно озирались по сторонам, бессмысленно дергая затворы, какой-то курбаши, обос-

новавшийся за стойкой портье, кричал вперемешку по-русски и на экзотических языках, указывая руками сразу в несколько сторон, и вообще картинка напоминала пожар в борделе.

Да и то, расчет у них был на какое-то другое развитие событий. А тут вдруг бой начался внутри гостиницы, причем в самых вроде бы неугрожаемых местах.

У Сергея оставалось целых семь боевых гранат и еще две шумосветовые. Вот все он и бросил вниз с секундными интервалами, стараясь, чтобы легли они как можно более широким веером.

Не ударил еще первый разрыв, а он уже летел вниз, почти не касаясь подошвами ступенек.

Упершись плечом в литой чугунный столб арочного подпора, прикрывший его от разлета последних осколков, Тарханов едва дождался, пока осядет дым, известковая и кирпичная пыль, вскинул ствол пулемета и выжал спуск.

Черт с ним, со стволом, пусть плавится. Тут главное – погасить тех, кто еще сохранил способность шевелиться и сопротивляться.

Слева направо Тарханов вел стволом строго по периметру холла.

Силы в руке едва хватало, чтобы удерживать его на нужном уровне, не допускать увода вверх.

Гильзы звонко разлетались по мраморному полу, пули с чмоканьем входили в человеческие тела, а которые пролетали мимо, крушили мозаичные стеновые панели, уцелевшую с позапрошлого века голубую и золотистую кафельную плитку.

Пулемет последний раз лязгнул затвором и смолк. Как раз тогда, когда закончил свое дугообразно-плавное движение. То есть кончилась лента. Менять барабан было некогда.

Крики, которые Сергей не слышал из-за грохота пулемета и давнего звона в ушах, вдруг стали различаться. И крики эти были отнюдь не торжествующие, не боевые. Недавние герои верещали от боли и страха смерти, звали на помощь, кто-то, может быть, пытался собрать возле себя еще способных сражаться. Тарханов не вслушивался.

Он пробирался через лужи крови и растерзанные тела туда, где видел сквозь мглу вроде бы исправный станковый пулемет, сторожко вода вокруг «рапирой»

Постепенно становилось тише. Просто все меньше и меньше оставалось тех, кто еще был в состоянии кричать.

Да, «гочкис», развернутый из тамбура внутрь зала, был в порядке. Из приемника свешивалась довольно длинная лента, полная патронов. Рядом еще две зеленые коробки.

И успел припасть к его прикладу в самое время.

Теперь пришлось пройтись огневым шквалом по галерее и выходам из коридоров.

И эта лента кончилась слишком уж быстро, но зато и желающих проверить, есть ли еще патроны у неизвестно откуда взявшегося шайтана или внезапно сошедшего с ума боевого товарища, поблизости не осталось.

Уж больно все хорошо идет, мельком подумал Тарханов, не должно бы так везти второй раз подряд.

Сейчас бы не искушать судьбу, забиться в тихий уголок и предоставить остальное бравым ставропольским егерям.

Или хотя бы глотнуть сотню граммов коньяку, чтобы разбавить избыток адреналина в крови.

Нет уж, ваше высокоблагородие, раз взялся, так взялся.

Пора бы уже и подлететь ребятам... Однако.

Он взглянул на часы. Черт возьми, всего восемнадцать минут прошло. Значит, минимум еще десять придется держаться.

А слева распахнутые стеклянные двери перехода в новый корпус. И оттуда в любую секунду может набежать еще неизвестно сколько чурок, простите за выражение.

Тарханов вдруг ощутил смертельную усталость. Он заметил это по тому, что с трудом сумел перетащить всего лишь тридцатикилограммовый пулемет от центральных дверей в нишу между шахтой лифта и глухой стеной. Вставил в приемник новую, полную ленту.

И сел на пол, вытирая пот со лба.

Да, плохи дела. Он ведь не спит уже вторые сутки, питается почти исключительно коньяком и папиросами, и убивает, убивает, убивает... А врагов... их становится меньше или они делятся, как амебы?

Однако даже и в этом состоянии нужно жить и исполнять свои обязанности.

Чужой, резко пахнувший духами парик не давал ему дышать, кожа на подбородке зудела, длинные волосы щекотали нос. Он отшвырнул его в сторону, а заодно и арабскую шапку. Теперь маскироваться уже и незачем.

И Тарханов снова успел привалиться к плечевому упору «гочкиса» и какое-то время поливать огнем мелькающие вдали тени.

А потом словно бы потерял контроль над ситуацией. По крайней мере, пришлось сделать усилие, чтобы не перепутать ребят в знакомых ярко-зеленых кителях с погонами, обшитыми широким золотым басоном с надоевшими камуфляжами врагов.

И каким чудом двадцатилетние парни, вломившиеся с улицы сразу во все двери и окна первого этажа, удержали пальцы на спусках автоматов при виде всклокоченного, с грязным пятнистым лицом человека, остервенело палящего из пулемета, он тоже не сообразил. Значит, неплохо их все-таки учили.

– Полковник, это вы полковник Неверов? – тряс его за плечо какой-то поручик.

Сергей взял себя в руки. Мало ли, что воюет уже черт знает сколько со вчерашнего вечера и почти потерял самоконтроль. Перед младшими по чину расслабляться нельзя.

– Разумеется. Представьтесь, пожалуйста. И доложите обстановку.

Он выпрямился, приосанился, изобразил на лице соответствующее чину выражение. Нашарил в кармане изломанную коробку папирос.

– Поручик Иваненко, с вашего позволения. Командир первого взвода четвертой учебной роты. Здание гостиницы полностью окружено, сопротивление внутри подавлено. В этом корпусе живых бандитов нет. В девятиэтажном взяли около десяти пленных. Остальные тоже убиты. Кажется, нам попались достаточно важные персоны. Потери в моем и втором взводе: трое убитых, шестеро раненых.

– Эх-х, вы, пацаны, – только и сказал Тарханов, торопливо глотая дым. – Как же не убереглись-то?

Поручик растерянно-виновато пожал плечами.

А что он мог сказать? Нарвались на автоматную очередь или несколько снайперских выстрелов из любого окна, вот и потери. Хорошо, хоть пленных взяли.

– Пошли, посмотрим, кого вы там прихватили. – Полковник раздавил окурочок о стену и потряхнул головой.

Сначала допросить «языков», а потом и за Татьяной можно отправляться.

«...Что «языки» захвачены, это хорошо», – думал он, шагая по застекленному переходу между корпусами, половина стекол в котором была выбита пулями и осколками. Стекло хрустело под ногами, в пробоины и проломы задувал сырой ветер вместе с клочьями тумана. Дышать этим воздухом было необыкновенно приятно.

Вообще дышать, ибо вполне свободно он мог бы сейчас валяться в луже собственной крови, подобно тем боевикам, через трупы которых время от времени приходилось перешагивать.

Вдруг поручик у него за спиной приостановился.

– Что такое? – резко обернулся Сергей, привычно вскидывая автомат. Но никого, кроме них двоих, в коридоре не было. А Иваненко смотрел куда-то вниз.

– Я думал, господин полковник, что выражение «по колено в крови» – это просто метафора. Тарханов тоже опустил глаза. Да, действительно! Его туфли и джинсы были вымазаны и забрызганы начинающей уже сворачиваться и темнеть кровью почти до колен.

«Это когда я прорывался через вестибюль», – подумал полковник.

– И что же вас так удивило, поручик? Советую запомнить: по колено в дерьме – гораздо хуже. Подождите, я сейчас.

Он зашел в ближайший гостиничный номер и под струей из крана вымыл туфли и, как мог, застирал штанины.

– Пойдемте.

Хотя Иваненко не сказал ничего плохого, скорее наоборот, он почувствовал к офицеру неприязнь. Как человек, которого застали за каким-то не совсем приличным занятием.

– Так что там у вас?

Едва поспевая за размашисто шагающим полковником, стараясь попадать в ногу и держаться строго на полшага позади, Иваненко сжато и довольно четко докладывал о действиях вверенного ему подразделения по захвату объекта.

Как раз это сейчас волновало Тарханова в наименьшей степени.

Он соображал, как бы устроить так, чтобы допросить пленных раньше, чем они попадут в руки того же капитана Кабанца, а тем более – местных или окружных контрразведчиков.

Совершенно не нужно, чтобы кто-нибудь раньше времени узнал об истинном смысле проводимой исламистами операции. (Если вообще непосредственные участники рейда что-то об этом знают.)

Нет, кто-то из верхушки обязательно должен знать, ведь конечная-то цель в чем? Отыскать Маштакова и его оборудование или хотя бы узнать, куда он делся.

Поручик распорядился правильно. Его юнкера, рассыпавшись по этажам, точно так же не выпускали постояльцев из номеров, как до этого – бандиты. Что будет, если сотни перепуганных людей заполнят сейчас холлы и коридоры?

Хотя для успокоения недавних заложников раскрывали двери, сообщали, что гостиница освобождена российскими войсками, спрашивали, нет ли нуждающихся в экстренной помощи. Но выходить наружу не разрешали, а возникающие там и тут попытки пресекали достаточно строго, но без излишней резкости.

Другие собирали трофейное оружие, стаскивали на первый этаж трупы убитых боевиков.

– Пришли, – сообщил поручик.

У широкой двери с бронзовой табличкой «Управляющий» с автоматами на изготовку покуривали двое старших юнкеров. Нарушение, конечно, устава караульной службы, но, с другой стороны, охрана пленных на поле боя уставом не регламентируется.

Зато экипированы они были в полном соответствии с боевыми уставами, которых в натуре придерживались только что в училище. Каски, бронежилеты, все положенные ремни, чехлы для магазинов, противогазы, лопатки, гранатные сумки.

Тяжеловато, конечно, но по смыслу – правильно.

Выброшенные по неясному приказу в неопределенную обстановку, бойцы и должны быть снаряжены в расчете на любое задание.

Внутри обширного, уставленного дорогой кожаной мебелью и устланного коврами кабинета еще четверо юнкеров, устроившись в креслах по углам, держали под прицелом около десятка боевиков, усаженных за длинный стол для совещаний. Руки ладонями вверх перед собой. Часть ранены и кое-как перевязаны. Многих при задержании от души обработали прикладами и просто кулаками.

Вид, как всегда в таких случаях, у недавних «героев» жалкий, внушающий более презрение, чем ненависть.

Тарханов такое отмечал не раз.

Бойцы, особенно иррегулярных подразделений, попадая в плен, буквально в считанные часы, а то и минуты теряли воинский вид. Из них словно выпускали воздух, форма обвисала, куда-то девались пуговицы, головные уборы. Из глаз исчезал живой блеск, и даже щетина, казалось, начинала расти впятеро быстрее.

Подобным образом перестает сохранять человеческий облик даже самый свежий труп.

Очевидно, все дело в душе. Покойник расстается со всей и сразу, пленный – медленнее, со значительной ее частью.

Тарханов мгновенно оценил обстановку. И принял решение. Снова вышел в коридор. Заметив, что один из юнкеров, невысокий коренастый парень с нашивками старшего унтер-офицера, вроде как подмигнул ему, когда один из пленников бросил короткую, гортанную, совершенно непонятную даже по принадлежности к языковым группам фразу.

– Значит, так, поручик. Боевую часть своей задачи я выполнил. Начинаю следующую. Оставьте в мое распоряжение отделение, одним взводом продолжайте наводить порядок в здании, второй немедленно направьте в центр города для поддержки основной ударной группы...

На лице офицера он уловил некоторое колебание. Вроде бы неизвестный полковник ему не начальник, но с другой стороны... После того как Иваненко увидел своими глазами, что здесь сумел совершить Неверов в одиночку, он не мог не проникнуться к нему глубочайшим уважением.

Идеальный горный егерь!

Поручик, до недавнего времени имевший о себе достаточно высокое мнение (не зря же его сделали командиром учебного взвода), самокритично признал, что до полковника ему еще тянуться и тянуться.

Зато его грела мысль, что они ведь однокашники, выпускники того же училища, независимо от года производства, и, по обычаю, после обязательного брудершафта в офицерском собрании могут перейти на «ты».

А что такая встреча может произойти, Иваненко отчего-то не сомневался.

Даже убеленные сединами генералы находили возможность приехать на ежегодный праздник, пройтись по до боли родным дортуарам и, утирая глаза платочком после непрямой чарки, поделиться с молодежью историями собственных шалостей, которые были не в пример остроумнее и тоньше нынешних!

– Есть, господин полковник, одним взводом наводить порядок в здании, вторым выдвигаться для поддержки... Будет исполнено.

– Теперь – смените караул в комнате. Пусть юнкера выведут всех пленных сюда.

– Есть!

Юнкера вывели бандитов в коридор, поставили лицами к стене.

Движением пальца Тарханов подозвал к себе того, кто ему подмигивал. Унтер подошел, поправляя на плече автоматный ремень, – очень уверенный в себе юноша, глядя на которого Сергей подумал, что наверняка он занимается классической борьбой. Пришелкнул каблуками, вытянулся.

По-прежнему молча, Тарханов предложил следовать за собой.

Отошли за угол.

– Слушаю вас, юнкер. Вы мне хотели что-то сказать? Представьтесь.

Юнкер расцвел. Полковник сумел заметить слабое движение его века, сделанное практически без всякой надежды, что дойдет до высшего руководства. А вот ведь дошло.

Кстати, для будущей службы юнкера это значило очень много. Он понял, что настоящие начальники знают и понимают все.

– Старший унтер-офицер Плиев. Господин полковник, я знаю курдский язык. Вот тот, что сидел слева, еще как только мы их туда завели и посадили, сказал: «Молчите, откуда пришли и кто ваш командир. Умрите как мужчины».

– Интересно. А откуда вы знаете по-курдски? Я даже с трудом вспомнил, что вообще такой язык существует.

* * *

– Позвольте доложить. Я осетин. Мой дед – академик Российской академии по отделению лингвистики. Может говорить на двадцати языках свободно. Читает на пятидесяти. Ну и я... Пять-шесть тоже знаю с детства. В основном – ближневосточные. Так вот тот сказал: «Молчите, кто командир и зачем сюда пришли. Иначе...»

– Что – иначе?

– Не знаю, господин полковник. Он не договорил. Но интонация была угрожающая. Я счел долгом доложить. Зовут его – Фарид-бек.

– Правильно, юнкер, вовремя доложили. По-курдски, значит? Ну-ну...

Курдского языка, само собой, Тарханов не знал и знать не мог. Зато соображал, кто такие курды в геополитическом смысле и чего от них стоит ждать.

– Сейчас мы вернемся, молча покажете мне на того, кто это сказал. Что при этом буду говорить я – для вас не имеет никакого значения. Главное, не позволяйте никому обернуться раньше времени... А вам, Плиев, после выпуска прямая дорога в разведуправление. Я позабочусь.

Дерьмо, – сказал Тарханов громко, когда они подошли к строю бандитов, упирившихся руками в стену и расставивших ноги намного шире плеч. – Никчемная пехота. Разведывательная их ценность – ноль. Можно расстрелять хоть сейчас, никто ничего от этого не потеряет...

А сам присматривался, стараясь угадать, на кого укажет Плиев. Вот те двое отличаются заметно. И камуфляжные костюмы на них намного лучшего качества, и лица, как он успел заметить еще в кабинете, достаточно интеллигентные, хоть и стараются они придать им такое же тупо-угнетенное выражение, как и у прочих.

Так и вышло. Юнкер показал на одного из них, стоявшего в строю третьим.

– Однако и поговорить тоже можно. Вдруг кто чего и сболтнет, – продолжал развлекаться Тарханов. – Как это в детской игре – на кого бог пошлет. Давайте начнем, хотя бы... – целых три раза он прошел вдоль строя, наконец принял решение.

– Пусть так. Этого и этого – ко мне. Прочих – на ваше усмотрение, юнкер. Обыскали их хорошо?

– Как учили...

– Значит, действуйте. А ты – за мной... – он ткнул пальцем в первого из отобранных им пленников.

Прошел в комнату отдыха, примыкающую к кабинету. Уютное помещение. Точнее – просто двухкомнатный номер люкс, только предназначенный для постоянного жильца.

Тарханов не представлял себе, сколько лет управляющему и как он выглядит, но уж точно – человек со вкусом и хорошо к себе относящийся. И перекусить, подремать часок посреди рабочего дня можно, и важного делового партнера в приватной обстановке принять, угостить, чем бог послал. Опять же и любовницу пригласить, не опасаясь внезапно нагрянувшей жены, к примеру, поскольку имеется еще один выход, ведущий, как сообразил Сергей, на другой этаж и совсем в другой коридор.

Умеют люди устраиваться. Да и то, управляющий курортной гостиницей такого класса наверняка зарабатывает раз в десять больше, чем верный государев слуга в полковничьем чине.

– Садись, – указал Тарханов рукой на резное деревянное кресло у противоположной окну и балконной двери стены. Сам подошел к бару, налил себе рюмку коньяку, о которой так долго мечтал, взял саморазогревающуюся банку черного кофе, искоса наблюдая за пленником.

Нет, безусловно, это человек с высшим, может быть даже, высшим военным образованием, форму носить умеет и держится с достоинством, насколько позволяет обстановка. Правильные черты лица, светлые, слегка рыжеватые волосы, но принадлежность к кавказской расе очевидна. Равно может быть и черкесом, и грузином, и азербайджанцем, а то и турком. Возраст едва за тридцать. А имя – что ж, имя, псевдоним, скорее всего.

– Курить разрешаю, – сказал наконец Тарханов, удобно устраиваясь на таком же жестком деревянном кресле. В мягкое он садиться не хотел: еще в сон клонить начнет. – Прочее – либо позже, либо никогда. Я понятно изъясняюсь?

– Вполне, – кивнул террорист. Акцент едва заметен.

– Как интересно, – изобразил искреннее удивление полковник. – Ткнул пальцем в первую попавшуюся спину и попал в образованного человека. Хотя я и не уверен, что бандит и подонок может считаться образованным человеком. Обратная теорема тоже верна. Но из этого ничего не следует. Никакие конвенции на вас не распространяются, – счел нужным пояснить Тарханов, – хоть вы и объявили себя какой-то там Армией, для меня это не имеет значения. Я вижу перед собой бандита, взятого с оружием в процессе совершения уголовного преступления, карающегося по законам государства Российского смертной казнью. И вправе принимать решение, исходя из целесообразности. Это понятно?

– Понятно, – снова кивнул тот, – однако можно и поспорить...

– Спорить – только на том свете, с Аллахом или с уполномоченными им лицами. Мне – отвечать на вопросы, имея в виду, что решение о твоей дальнейшей участи буду принимать только я. Единолично. Итак, имя, должность, состав вторгшейся в город банды, цель рейда.

Пленник молчал, пока не докурил папиросу до конца. Тарханов не препятствовал его размышлениям. Пусть. Чем дольше человек размышляет о своем положении и отходит от горячки боя, тем сильнее ему хочется жить.

Как правило.

– А если я все же предпочту умереть, но не отвечать? У меня ведь могут быть соответствующие убеждения, ради которых я воюю?

– Могут, – не стал спорить Тарханов. – Только шли вы сегодня в Пятигорск не умирать за убеждения, а выполнить некое задание, которое представлялось вам не слишком рискованным, но прибыльным. Сейчас ситуация коренным образом изменилась. Но даже если ты собрался геройски умереть, я не позволю.

Посмаковав последний глоток коньяка, Сергей размял папиросу.

– Геройски умереть не позволю, – пояснил он, выдержав паузу. – Психологию вашу мусульманскую я знаю, обычаи тоже. Умрешь так, что на рай с гуриями рассчитывать не придется. Погано умрешь. – Заметил некое движение лицевых мышц пленника, тут же ответил на невысказанное: – А ежели скажешь, что ты – человек культурный, светский, турок, возможно, и в такие сказки не веришь, то и это не беда. Смерть твою я сумею сделать настолько неприятной, что в какой-то момент говорить тебе непременно захочется, и расколешься ты до донышка... Так стоит ли провоцировать этот утомительный для всех процесс?

Пленник вздохнул, кривя губы в гримасе, смысл которой был Тарханову не вполне понятен.

– А как же... Вы же, судя по всему, тоже вполне цивилизованный человек. Неужели...

– Не тоже, а только! – резко оборвал его Тарханов. – Ты – свинячье дерьмо! Как все твои родственники, мать, отец, дети, поганые предки...

И, правильно рассчитав, поймал Фарид-бека в момент, когда тот попытался изобразить из себя взвизнувшую из кресла пружину.

Вытянутыми и твердыми, как гвозди, пальцами левой руки Тарханов ткнул террориста в печень, а кулаком правой от души засветил в глаз. И потом добрую минуту наблюдал, как недавний герой стонет, икает, сдерживая рвотные позывы, корчится на ковре.

– Нормально? Вставай, сволочь. Помнишь Чехова? «Эх, Каштанка, насекомое ты существо! Ты, собака, супротив человека, что плотник супротив столяра». Налил себе еще рюмочку. Сделал глоток.

– Я тебя, падаль, замордую до того, что свою родную шлюху-мать рад будешь задушить, чтобы гяур-полковник, шариаата не знающий, тебя больше не бил!

Просверк глаз «курда» ему не понравился, и еще одним рассчитанным ударом Тарханов заставил его снова повалиться на пол. Теперь уже того по-настоящему вырвало вонючей желчью.

– Так. Встать, утереться. Продолжим наши игры или будем разговаривать по делу? Водички хочешь?

Бандит, морщась и отводя глаза, кивнул, постанывая сквозь зубы.

Тарханов сунул ему в руку пластиковую бутылочку.

Сел в кресло, вытянул ноги так, чтобы в случае чего успеть ударить еще раз.

И начал рассуждать спокойным, менторским тоном:

– Ты же, придурок, с чего вдруг вообразил, будто имеешь дело с европейским гуманистом? Я – кавказский офицер. Двести лет мы рядом с вами живем и постоянно воюем. Кое-что друг о друге поняли. Сосуществуем, можно сказать.

И тут вдруг такие, как ты, появляются.

По Европам и Англиям ездили, Сандхерсты⁶ закончили, разные книжки, не шевеля губами, читать научились, сопли рукавом публично не вытираете, бывает, даже зубы чистите. И вообразили, что если Толстой Лев Николаевич на старости лет «Хаджи Мурата» написал, так мы сразу прониклись.

Хрен вам. Вы, значит, при всей цивилизованности, за собой право на первобытно-общинные инстинкты оставляете, а мы с вами должны «эгалите, либерте, фратирнете» соблюдать...

Сергей сбился с мысли, почувствовал, что поначалу сымитированная ярость охватывает его на самом деле.

Это, кажется, дошло и до бандита.

– Вот так-то, Фарид-бек. Сообразил, что почему? Или скажешь мне все, что я спрашивать буду, или...

Произнесенное имя, пожалуй, поразило террориста сильнее, чем физическое воздействие.

– Спрашивайте, – шумно дыша носом, ответил он, неверной рукой нашаривая кресло. – Только прошу все же иметь в виду, что ничего, выходящего за рамки, мы не совершили... Нормальная войсковая операция...

– Захват мирного города и полутысячи заложников – войсковая операция?

– Каких заложников? Мы захватили вражеский, в нашем понимании, город, заняли эту гостиницу под свой штаб. Все. О заложниках речи не шло. Просто мы предложили постояльцам до поры не покидать свои комнаты... Для их же блага.

– Пусть так. А расстрелы?

– Не знаю ни о каких расстрелах. А если что и было – естественные эксцессы исполнителей. Можете наказывать их в обычном порядке.

– Брось, – доверительно сказал Тарханов. – Я не судья и не адвокат. У тебя единственный шанс сохранить жизнь, а то и свободу – ответить мне на все вопросы и подписать обязатель-

⁶ Сандхерст – высшее военное училище в Англии, где традиционно обучались представители элиты аборигенов британских колоний.

ство стать моим личным агентом. Знать об этом, естественно, будем только мы. Все остальные варианты... Запомни хорошенько, ваша Хиджра отсчитывается от седьмого века, кажется? Так вот степень моей европейской цивилизованности сейчас тоже примерно на этом уровне. Но она может возрастать в меру твоей сговорчивости... – Сергей демонстративно цыкнул зубом.

В дверь резко и громко постучали.

Тарханов выдернул из кобуры пистолет.

– К стене, живо!

Подошел к двери.

– Кто?

– Капитан Кабанец. Откройте, полковник.

Сергей повернул задвижку.

Нет, этого чернявого высокого офицера с висящим поперек груди автоматом он не помнил. Да и то, сколько лет прошло. Впрочем, Неверов, возможно, с ним и встречался.

И капитан наморщил лоб, вспоминая, с этим ли человеком он тренировался в одной команде.

Чтобы рассеять сомнения, Сергей сунул ему к глазам удостоверение. И фотография, и соответствующий текст.

– Так...

– Спокойно, ни слова. Позовите сюда бойца. Пусть посторожит вот этого. Но – оружие на изготовку, ближе шести шагов не подходить, в разговоры не вступать. Если нужно – бить безжалостно, но живым он должен остаться в любом случае. В любом...

– Понял, господин полковник.

В кабинете они отошли в уголок, где не могли их слышать отдыхающие юнкера.

– У вас ко мне вопросы? Кстати, чем все закончилось в городе?

– Нормально закончилось. Кто бежал – бежал, кто убит – убит.

Знакомое училищное присловье времен еще первой кавказской войны.

– На улицах полсотни трупов, два десятка пленных мы взяли, полиция удержала позицию, отделение МГБ разгромлено бандитами, из банка ценности вывезти они не успели. Но дело не в этом. В ближайшее время сюда должны прибыть регулярные войска и представители округа. Наверняка возникнут вопросы, что делаете здесь вы. Разве Северный Кавказ – зона ответственности Московской Гвардии?

– Разве эта тема – ваша компетенция? Я думаю – даже и не моя. Там, – он указал пальцем в небо, – разберутся.

– Вы меня не поняли, полковник. – Капитан даже ладонь прижал к сердцу. – Вы – не Неверов, что бы там ни было написано. Арсения я знал очень хорошо. Вы – Тарханов. Это старшие младших плохо помнят, а молодые на вас смотрели снизу вверх и запоминали ваши манеры, шутки, «подвиги»... Тем более – Арсений Неверов целых две недели муштровал нашу роту перед парадом в честь столетия училища. А я был старшиной линейных. Забыли?

«Да, не совсем ловко получилось, – подумал Сергей. – Ну а с другой-то стороны...»

– А если и так? Служба есть служба, не нам судить, что и зачем.

– Так ведь и я о том же! Я вас уважаю, я вами восхищен. И не хочу, чтобы у вас были неприятности. А если понаедет сейчас начальства да разборки начнутся... Знаете, как здесь к московским относятся?

– Догадываюсь. И что?

– Уходите, полковник. Всем лучше будет...

Тарханов понял ход мысли капитана.

Если он уйдет, вся слава достанется именно Кабанцу.

Кто же поверит, что один человек, был ли он или вообще не был, перебил полсотни боевиков, практически очистил гостиницу и преподнес юнкерам победу на блюдечке.

А так нормально, получив приказ, капитан двумя ротами уничтожил банду, освободил город...

– Что ж, может, так и лучше будет. Богу богово... При случае я вспомню твое ко мне доброе отношение. В Москве надежные парни пригодятся. Как?

– Да я бы... Надоело в училище, и перспектив маловато.

– Договорились. Только того, кто там, я заберу с собой. Дашь бойца проводить до места?

– Какие вопросы. Забирайте.хлопот меньше.

– А там, в городе, среди пленных ничего интересного?

Капитан развел руками:

– Хрен поймешь. По-моему – шелупонь. Если кто серьезный был, так только из тех, кто МГБ брал. А там мы никого не нашли. Не наших, ни тех...

– То есть?

– Какое «то есть»? Все перевернуто, шкафы и сейфы выпотрошены, подвальные камеры внутренней тюрьмы пустые. И – никого. Даже следов крови нет. Значит, цель была именно там. Кого им нужно, освободили и уехали, может, в первые же полчаса. А остальное – либо маскировка, либо просто автоматическое развитие процесса...

– Ну, может, и так, командир. В общем, вся слава тебе, а я забираю клиента, свою невесту и поехал.

– Какую невесту? – слегка оторопел капитан.

– Так ты что же думаешь, я тут вправду спецоперацию проводил? Я в отпуск приехал, невеста у меня в интуре работает. Вчера все нормально было, потом она в ночную смену заступила, я пообещал ее утром с работы встретить. А тут это...

Ну, и пришлось немного пострелять, чтобы девушку выручить.

– И?..

– Так выручил же! Хочешь, пойдём познакомлю.

– Что, только поэтому? – Кабанец выглядел совершенно ошарашенным.

– А ты думал? Я просто не люблю, когда мне поперек дороги становятся.

Капитан, кажется, поверил ему, только когда Тарханов действительно представил ему Татьяну. А также и буфетчицу Марину, в первую же секунду его покоровившую. Да и странно было бы, если иначе. Капитан тут же начал за ней ухаживать в лучших традициях горно-егерского корпуса.

Девушка вроде и не отвергала знаков внимания, но в коротких взглядах в свою сторону Тарханов улавливал нечто большее, чем благодарность человеку, сдержавшему слово.

Разумеется, немножко выпили коньяка из особого шкафчика.

– Пятидесятилетней выдержки. Изготовлен в Эривани в честь юбилея добровольного присоединения Армении к России. Называется – «Навеки вместе». Отпускается особо важным гостям по личному распоряжению хозяина. Но под это дело спишем...

Марина была сама любезность, и мимолетно Тарханов пожалел, что он сейчас вроде бы как не свободен...

Похоже, и Татьяна что-то такое чувствовала.

Пригубив действительно изумительный напиток, она начала расспрашивать Сергея (то есть Арсения, конечно) о подробностях случившегося.

– Когда поднялась настоящая стрельба и взрывы, мы тут вообще обмерли... Я, честно, думала, ну как один человек в такой заварухе выжить может... А ты вот сумел... Не представляю даже...

– Вы, Танечка, зря так думаете. Мы с господином полковником вместе учились. – Кабанец правильно делал, переводя разговор в плоскость гусарского трепа. – Для горного егеря полсотни абреков – тьфу! И не такое видали.

Он щедро плеснул себе и Тарханову юбилейного коньяка, словно бы это была обыкновенная водка.

– Нет, я больше не буду. Мне еще ехать. Далеко. Ты мне того юнкера, Плиева, в распоряжении пока оставь. Я его отпущу, когда за город выеду. Хорошо?

– Да какие вопросы. Хочешь, он тебя до Ставрополя сопроводит, а там ты его возле училища высадишь?

А что, хорошая мысль.

– Договорились. А из Москвы я тебе позвоню. Глядишь, что-нибудь и сладится.

Все-таки еще с полчаса они вместе посидели. Как-то не получалось расстаться сразу и, возможно, навсегда. У Марины с Татьяной, пусть и давно знакомых, возникли какие-то новые отношения, что и не удивительно, и капитан Кабанец будто боялся вдруг остаться с понравившейся ему девушкой наедине раньше, чем образуется настоящий контакт.

– Знаешь, Паша, – сказал ему Тарханов, когда все они выпили на брудершафт, – пошли-ка ты кого из ребят за моей машиной. Чего я буду по городу таскаться? Вот адрес, вот ключи. Если хозяин вернулся, пусть скажут, что дочери его мне позволили остановиться. Те, что вам записку мою продиктовали. Если нет – сосед Николай наверняка нарисует. Ему тоже привет. «Мерседес» пусть к дверям подгонят, а мы потом спустимся...

И в полном приятствии они провели следующие полчаса.

Когда Татьяна вдруг встала, не то собираясь в туалет, а может быть, чтобы дать повод Тарханову выйти вслед за ней, Сергей поступил именно так.

– Тань, ты со мной поедешь? – спросил он, нервно разминая папиросу.

Она улыбнулась несколько растерянно.

– Куда, в каком качестве? Это ты мне руку и сердце, что ли, предлагаешь? Или – что? Смешно, но Тарханов тоже не до конца понимал, что он делает.

Дружил с девушкой полтора года, точнее – по два дня в месяц на протяжении полутора лет. Им было хорошо. И гулять, и разговаривать, и в постели. Расстался десять лет назад.

Снова встретился с ней в другой совершенно роли.

Что она чувствует теперь, уставшая ждать рыцаря на белом коне и капитана на алых парусах?

Верит, что вправду встретила с двойником старого друга? Или – делает вид, что верит? Кабанец вот сразу его узнал.

– Знаете, Таня, – вновь перешел на «вы» Тарханов, – я предложил бы вам руку и сердце прямо сейчас, но...

– Но – боитесь, – подсказала Татьяна.

– Именно. Боюсь. Мне тридцать два года, я старый холостяк и человек не самой спокойной профессии. Вы это видели только что. Привык отвечать только за себя. Но вы мне очень нравитесь...

– Хорошо. Я, возможно, тоже сумасшедшая. Не знаю почему, но я готова принять ваше предложение. И все же хотела бы знать, на что именно я соглашаюсь...

Так вдруг Тарханова потянуло напомнить ей хотя бы о об одном из вечеров далекого девяносто третьего года, но снова он сдержался. Потом, может быть, и скажет. Но не сейчас...

– Жалованье полковника. Доплаты за ордена и звание Героя России. Очень приличная квартира в Москве...

– Какой вы циник, Арсений. Ну хоть что-нибудь о чувствах вы могли бы сказать...

– Что – о чувствах... Какие у меня сейчас чувства? Пороховой дым и зола в душе...

Он обнял ее и поцеловал, впервые за два дня нового знакомства.

И, очевидно, получилось это у него хорошо, поскольку Татьяна сразу не только ответила на поцелуй, но и прижалась к нему всем телом так, что иных подтверждений больше и не требовалось.

Оторвавшись от губ Сергея, она снова посмотрела на него с сомнением. Но уже другого рода.

– Хорошо, Арсений. Пусть я душой сейчас выгляжу, но я поеду с тобой. И будь что будет. Не сложится – будем считать, что на экскурсию в Москву съездила.

Они вернулись, и проницательная Марина, которая, наверное, тоже целовалась сейчас с капитаном, сказала:

– Договорились? Вот и слава богу. Желаю счастья, Танечка. А вы, Арсений, если вздумаете ее обидеть...

Совершенно идиллическая сцена из пьес девятнадцатого века.

– Тогда капитан Павел Кабанец вызовет меня на дуэль, – натянуто улыбаясь, поскольку улыбаться ему совсем не хотелось, ответил Тарханов.

– Непременно, – ответил капитан.

– Тебе не страшно? – спросила Татьяна, когда они спускались по лестнице к машине.

– Чего? – не понял Сергей.

– Всего. Нашей встречи, этого вот сражения. Сколько ты людей сегодня убил?

– Людей? Ни одного. Так, пострелял немного, бегали тут какие-то. Может, тебя сводить в один номерок, там мама с дочкой жили...

– Ох, ну извини, наверное, я и вправду не то говорю. А вот похожий на тебя юнкер, Сергей Тарханов, был очень милым мальчиком. Я даже сильно сомневалась, неужели из такого серьезный офицер получится.

И вдруг она неожиданно сильно схватила его за плечо, повернула к себе.

– Сергей, ну хватит дурака валять! Ты же Сергей! Твой друг проболтался. Сказал без задней мысли, что вы однокашники.

И что получается – один возраст, одно лицо, одно училище! Уж тот Сергей хоть раз бы, да упомянул, что вместе с ним двойник учится... Я понимаю, у вас могут быть свои служебные тайны. Но для меня-то... Неужели собираешься всю жизнь мне голову морочить?

– Все, Таня, все. Конечно, это я... Извини, так уж вышло. Не думал я, что встретимся. А увидел тебя и тут же по новой влюбился... Если б не то, что случилось, я б тебе признался, сегодня же. Посмеялись бы чуть... Понимаешь, работа у меня такая...

Татьяна снова припала к его груди. И целовала его уже по-другому.

– Наконец-то. Я и вправду не понимаю, что со мной происходит. Но теперь куда хочешь поеду. Но... Ты уверен, что это серьезно? А, да все равно... Только давай завернем ко мне, соберу кое-что...

...Торопливо бросая в дорожную сумку самые необходимые на первое время вещи (как бы уезжая в отпуск на неделю-другую), Татьяна все пыталась разобраться, что она делает и зачем. Сказать, что так уж она вспылала страстью к вновь встреченному другу, положила руку на сердце, она не могла.

Да, конечно, сентиментальные воспоминания...

Приятные встречи раз в неделю, а то и реже, однажды поездка на целых десять дней в Москву. Не такие уж бурные, но доставлявшие удовольствие и радость ночи. Печаль и слезы при последнем прощании. Он ее замуж не звал, да она бы и не согласилась, скорее всего.

В двадцать один год бросать яркий, праздничный Пятигорск, институт, ради того чтобы отправиться в богом забытый гарнизон на краю света? На такие подвиги она себя готовой не считала.

А что случилось сейчас? Насиделась в девках, потеряла всякую надежду устроить жизнь и кинулась в объятия бывшего любовника, стоило ему только намекнуть? Похоже, но не совсем.

Не зря ведь сердце защемило, как только она увидела его вечером в Цветнике. Всего только позавчера вечером... И две ночи потом почти не спала, все думала, получится с этим странным двойником что-то серьезнее курортной интрижки или нет? Впрочем, на интрижку она тоже была согласна. Хоть на несколько дней вновь почувствовать себя женщиной. Слишком отличался взгляд Сергея от того, каким обычно смотрели на нее мужики, прикидывая, удастся ли без хлопот затащить случайную знакомую в постель сегодня же...

И что, это достаточный повод, чтобы бросить все и мчаться за ним очертя голову? И что потом? Понять через неделю или месяц, что они совсем друг другу не подходят, и возвращаться домой навсегда разочарованной?

Да хоть бы и так! Если она сейчас передумает, останется дома (а эта мысль то и дело приходила ей в голову – остаться дома и обо всем забыть), то до конца дней будет терзаться упущенным шансом.

Вечная дилемма – что хуже: ждать и не дожидаться или иметь и потерять?

Боясь передумать в последний момент, сняла трубку телефона. Станция уже вновь была включена. Набрала номер автоответчика в своей конторе и торопливо надиктовала заявление об отпуске. Мол, после всего пережитого не имею сил выйти завтра на работу, нуждаюсь в смене обстановки. Жалованье за отработанное время и отпускные прошу перечислить на банковский счет.

Вот и все. Она положила трубку на рычаг, в последний раз взглянула на себя в зеркало. Нет, она все-таки еще вполне ничего. И способна составить счастье мужчины, который этого заслуживает.

Потом позвонила матери, сказала, что у нее все в порядке, события ее не коснулись, а сейчас она на некоторое время уезжает. С друзьями, в Ставрополь, потом в Москву. Отдохнуть, развлечься.

Присела на дорожку и с решительным лицом направилась к выходу.

Тарханов ждал Татьяну около получаса, сидя в машине. Юнкер с автоматом, гордый возложенной на него миссией, а также и тем, что предстоит прокатиться на классном «Мерседесе» до Ставрополя, а потом минимум сутки оказаться вне внимания начальников, с доброй улыбкой прижимал кованым ботинком шею пленника к шерстяному коврику на полу.

Места между сиденьями не хватало, чтобы тот разместился там со всеми возможными в его положении удобствами.

– Юнкер, вас как зовут? – поинтересовался Тарханов.

– Исса Александрович.

– Фельдфебеля вы получите завтра же. Заслужили. Молодцом. Так и нужно начинать карьеру.

– Не совсем понял, – осторожно ответил Плиев.

– Чего же здесь понимать? У вас есть известные способности, возник определенный шанс, вы им мгновенно воспользовались, попали в поле зрения высших по отношению к вам и вашим непосредственным начальникам сил. Теперь...

– Спасибо, господин полковник, уже догадался.

– Господин полковник, может быть, вы и мне позволите сменить позу и разговаривать на равных? – раздался сдавленный голос из-под заднего сиденья.

– Свободно, – ответил Тарханов. Сейчас он был добрый. – Если ты, Фарид-бек, обещаешь себя вести скромно, то позволю. Юнкер, уберите ногу.

Турок, курд, а может быть, и англичанин (Лоуренса Тарханов забыть не мог), выполз вверх, разминая пальцами шею.

– Заметил, чем мы друг от друга отличаемся? – добродушно спросил Тарханов. На самом деле, думая о Татьяне, он сейчас был готов возлюбить и всех остальных.

– Господин полковник. Пусть я оказался в не совсем удобном положении, но все-таки два факультета я окончил с отличием.

– Да, молодец какой! – воскликнул Тарханов. – Ну и продолжал бы дальше. Я, может, тупой солдафон и великодержавный шовинист, а вот считаю, что ежели выпало в Империи родиться, так и служи одной же. Неужто правда интересней быть мелким князьком в ничтожном ханстве, если, впрочем, твои амбиции простираются так далеко, или просто шестеркой при более удачливом авантюристе? Пусть и за хорошие, по твоему разумению, деньги. А мог бы стать имперским офицером или чиновником не из последних. Вспомни Багратиона, к примеру, или из нынешних, командующего Варшавским военным округом генерала князя Амилахвари...

– Не понимаете, – с сожалением сказал Фарид. – Именно, мелким князьком быть лучше. Вот, ваш юнкер с автоматом, осетин, естественно, для меня он не человек...

И тут же получил чувствительный удар в бок.

– Зачем он живет? – даже не поморщился Фарид. – Потомок Нартов, предавший истинную веру, служит поработителям народов Кавказа и Закавказья. А мог бы...

– Если господин полковник разрешит, – с трудом сдерживаясь, сообщил Плиев, – когда выедем в степь, я забью твои слова тебе в глотку хоть прикладом, хоть кулаком.

– И что ты этим докажешь?

– Спокойно, юнкер, дискуссия с этим господином не входит в круг ваших нынешних обязанностей. Охраняйте его, как положено, а я на минутку выйду. Попробую до своего командования дозвониться, а то ведь переживают, наверное. Уприте ствол ему в бедро и при малейшем неловком движении стреляйте. Но только в бедро, не выше. Ясно?

– Так точно.

Хотя руки Фариды были в тугих наручниках, кто его знает... И Тарханов на всякий случай запер дверцы машины снаружи.

Татьяну он встретил на площадке. Она как раз вставляла ключ в замок.

– Таня, подожди. Не знаешь, телефон уже работает?

– Работает, я звонила только что.

– Я тоже позвоню...

Междугородняя связь тоже включилась, и дежурный по управлению тут же соединил его с Чекменевым. Тот уже знал о захвате города, но без подробностей. Информация зависла где-то на уровне округа. Да ведь и прошло всего около трех часов, как сообщение Тарханова было принято и осмыслено в Ставрополе. Это Сергею они показались как минимум сутками, а для прочих время движется неспешно.

– Ты-то зачем там оказался? – осведомился Чекменев, выслушав краткий, но исчерпывающий рапорт. – Кедров мне доложил, что работа сделана и ты пересел в свою машину, а вот зачем ты снова в Пятигорск махнул?

– Вы же не забыли, я сего числа в отпуске? Дело сделали, и я надумал порешать кое-какие личные проблемы. А тут все вдруг так совпало...

– Решил?

– В основном. Но возникли новые. Я тут умыкнул у местных товарищей довольно ценного «языка». Везу его в сторону Ставрополя. Хватит у вас времени и возможностей принять у меня добычу? А то две тысячи верст в машине, без охраны...

– Минуточку...

С той стороны провода слышно было, как Чекменев с кем-то говорит по другому аппарату, только слов Тарханов не разобрал.

– Слушай, Сергей. Там недалеко от Ставрополя есть военный аэродром, в Холодногорском. Вези клиента туда. Я высылаю самолет. Если сильно гнать не будешь, он как раз к твоему

приезду успеет. Кто-нибудь из наших будет тебя ждать на КПП. Успеха. И – поаккуратней, прошу...

Заботливый начальник, генерал Чекменев Игорь Викторович.

Тарханов положил трубку.

– Ну, все, Таня. Поехали...

И вдруг, глядя на нее, какую-то одновременно возбужденную предстоящей дорогой и покорную, с опущенным взглядом, Сергей испытал сильнейший приступ желания. Наверное, как реакцию на стресс и старательно подавляемый в предшествующие часы инстинкт самосохранения и страх смерти.

Совсем недавно он целовался с ней в гостинице, она прижималась к нему грудью и животом, и это его не возбудило. А вот сейчас...

Схватить девушку, сорвать с нее одежду, опрокинуть на тахту или прямо на покрывающий середину комнаты палас...

Но самообладания ему все же хватило, чтобы подавить безумный порыв.

Так ведь напугаешь ее до полусмерти, она ведь наверняка не готова. Вырвется, даст по морде, обзовет последними словами или разрыдается. И все... Навсегда.

Видно, лицо его изменилось так, что Татьяна непроизвольно сделала шаг назад.

Но – только один шаг.

Он обнял ее, стал жадно целовать лицо, глаза, шею, гладил плечи, спину под тонкой, почти невесомой тканью костюма, ощущал ладонями все, что на ней надето под ним, все ее застежки, пряжки и резинки. От талии скользнул руками ниже. Татьяна отвечала на его поцелуи и ласки задыхаясь и всхлипывая, то ли от собственного нарастающего возбуждения, то ли потому, что от его яростных поцелуев не успевала переводить дыхание.

Точно так же получилось у них после возвращения под страшнейшим ливнем от остановки трамвая до гостиницы.

До этого момента дальше поцелуев у них знакомство не продвинулось, но приближалось, пусть и неспешно, к логическому завершению.

Промокли они оба насквозь, и Тарханов соображал, как и во что можно переодеться (номер был крошечный, одноместный, а раздеваться при девушке ему казалось неудобным. Ей – тем более).

Наконец Татьяна решила сделать это, прячась за оконную штору. Узкое, облепившее тело платье снималось с трудом, от неловкого движения штора распахнулась, юнкер увидел длинные стройные ноги, обтянутые зелеными чулками, тоже мокрые и от этого почти прозрачные трусики. Ну и, естественно, Сергей потерял голову. Почти как сейчас.

Только и он сейчас был другой, и время другое. А внизу ждет машина и юнкер с пленником, от которого можно ждать чего угодно.

С трудом отстранив от себя девушку, он вздохнул виновато:

– Ладно, извини. Что-то я не в себе...

Покуривая у окна, пока Татьяна наскоро приводила себя в порядок, Тарханов вспоминал – а ведь всего два дня назад, за полчаса до того, как она его окликнула, он, исходя из разговора с Ляховым, так и загадал.

Если, мол, мы такие необыкновенные, с экстрасенсорными способностями, так пусть сегодня случится со мной нечто невероятное, ну ни в какие ворота и в то же время приятное.

Ну вот вам и пожалуйста. И встреча с любимой, и захват Маштакова, и все последующее.

«Последующее», впрочем, слишком уж приятным не назовешь, но для него-то все закончилось хорошо и сулит впереди дополнительные радости, как в службе, так и в личной жизни.

– Позволительно мне будет осведомиться, куда вы меня везете? – спросил у Тарханова Фарид, по-прежнему зажатый между спинками переднего сиденья и весело пахнущими свежей ваксой ботинками юнкера, когда машина вылетела на загородное шоссе.

– Нет, ты неисправим. Для тебя все окружающие – неверные свиньи и быдло, к себе же требуешь европейского отношения. Не получится. Повезу, куда считаю нужным, и дальше буду поступать, исходя из собственных представлений. Сумеешь оказаться полезным – еще поживешь. Нет – в компостную яму. Хоть какая польза будет. А твоих двух факультетов как раз хватит, чтобы здраво оценить собственное положение. Если тебя и там не зря учили.

Вам, Плиев, разрешаю курить и бить нашего гостя в зубы, если не прекратит надоедать белым людям своими дурацкими разговорами и мешать нам наслаждаться погодой и пейзажами.

Глава четвертая

Последние два месяца обстановка в стране, точнее, отношения между Великим князем Олегом Константиновичем, Местоблюстителем Императорского престола, и российским правительством, размещавшимся в Петрограде, не слишком заметно для постороннего глаза, но очевидно для посвященных накалялись.

Виноваты в этом, пожалуй, были обе стороны. А еще точнее, сейчас просто задымила фитилем бомба, заложенная под фундамент государственности еще в далеком двадцатом году.

Парламентская республика согласно решению Учредительного собрания, закрепленному Конституцией, второпях и не слишком умело скопированной с британской, несла в себе означенную мину в виде института Местоблюстительства (в просторечии – регентства), представляющего собой странный компромисс между идеями Президентской республики, парламентской и конституционной монархии.

Больше семидесяти лет большого вреда от такого политического гибрида не чувствовалось, скорее всего потому, что в период восстановления политических структур России после кровопролитной и разрушительной Гражданской войны, бурного экономического роста 20—30-х годов, создания Тихо-Атлантического союза, почти двадцати лет локальных войн и миротворческих операций по его периметру сам факт существования регентства почти никого не интересовал.

Ну, существует там, в Москве, что-то такое, никому не мешает, есть не просит, ну и бог с ним.

Однако, как нередко уже бывало в истории, в полном соответствии с принципом Питера, «если неприятность может произойти, рано или поздно она происходит».

Как-то так сложилось, что одновременно на постах Местоблюстителя и премьер-министра российского правительства оказались люди волевые, уверенные в себе, по-своему амбициозные. Причем инициативу конфликта взял на себя глава исполнительной власти, что объяснимо.

Олег Константинович принадлежал к династии, на свою должность был избран пожизненно, до определенного момента на какую-либо реальную власть за пределами вверенного ему Московского военного округа и Гвардейского корпуса не претендовал.

Господин же Каверзнев Владимир Дмитриевич, председатель победившей на выборах 1996 года партии социалистов-революционеров (правых), во-первых, лично был настроен крайне антимонархически, числя в своих учителях и предшественниках таких тираноборцев, как Борис Савинков, Михаил Бакунин и др. Во-вторых, в силу особенностей характера он с трудом скрывал раздражение при одной мысли о том, что в центре России имеется территория размером со среднее европейское государство, де-факто ему неподвластная. А в-третьих, господин Каверзнев лелеял мечту о преобразовании России в президентскую республику по французскому типу, а на посту президента видел, естественно, себя.

И вот тут-то фигура и должность Олега Константиновича возникала перед внутренним взором премьера во весь свой зловещий рост. Не только в буквальном смысле, хотя физический рост князя достигал двух метров и он внешне был удивительно похож на августейшего прапрадеда, Александра Второго Освободителя.

По замыслу членов Первого (и до сей поры последнего) Учредительного собрания, в случае попытки со стороны какой угодно политической структуры посягнуть на неизменность Конституции и государственного устройства державы Российской именно Местоблюститель во главе подчиненной ему Гвардии обязан был «таковое посягательство со всей потребной быстротой и решительностью пресечь». Затем, после необходимых консультаций с «лояльными Конституции и российской государственности общественными силами», либо назначить новые

выборы в Государственную думу, либо созвать Второе Учредительное собрание или даже – Земский собор.

А в таком случае, и это прекрасно понимал господин Каверзнев, вероятность восстановления в России полноценной монархии, может быть, даже и самодержавной, становилась до неприличия высока.

Вот и приходилось премьеру уже шестой год демонстрировать Великому князю свое полнейшее расположение и дружелюбие, все это время мучительно размышляя, как же из такой историко-правовой коллизии выбраться с полным для себя преферансом.⁷

Не сразу, но суть происходящего стала ясна и князю. Он и сам был неплохим аналитиком, а в его ближнем окружении подобрались настоящие асы политических интриг, вроде того же генерала Чекменева, близкого личного друга и серого кардинала по совместительству, председателя военно-исторического клуба «Пересвет» генерала Агеева и многих других персон аналогичного калибра.

Все они старательно пытались довести до сознания своего сюзерена, что ждать, пока противник нанесет первый удар, – гибельно. Никто ведь пока не знает, каким этот удар может оказаться. Сил-то и политических возможностей у премьера намного больше.

Что стоит ему, например, спровоцировать парламентский кризис, предварительно (или одновременно) организовать крупные беспорядки в Москве, не остановившись перед террористическим актом против Его Императорского Высочества. А для маскировки устроить неудачное покушение и на себя тоже. И все!

Вводится чрезвычайное положение, объявляется о введении (разумеется, временном) диктатуры, а где-то через год-другой вполне можно будет уже диктатору Каверзневу созывать Учредительное собрание. И принять на нем какие угодно решения.

– И что же нам тогда, Олег Константинович, снова, как генералу Корнилову, с винтовкой и сумкой сухарей в очередной Ледяной поход отправляться? – говаривал обычно Чекменев, если находил к тому хоть малейший повод. – Тот раз вышло, слава Создателю и русскому офицерству, а как сейчас сложится? Ни нам, ни России это не надо...

Психологический прием, на новом историческом этапе повторяющий хрестоматийную методику Катона Старшего. «Кроме того, я полагаю, что Карфаген должен быть разрушен». Этой фразой он заканчивал все свои выступления в Сенате, какого бы вопроса они ни касались.

Такие разговоры происходили у князя с его «ближним боярином» последний год с неизменной регулярностью. Олег Константинович поначалу посмеивался только, потом пытался эту тему пресекать с разной степенью решительности, а начиная с весны сам стал задумываться всерьез.

Известно ведь, что вода камень точит не силой, а долгим падением.

А группа агеевских «пересветов», в которую входили наиболее надежные и способные старшие офицеры Гвардии и подчиненных Олегу Константиновичу военно-учебных заведений, тем временем заканчивала разработку теоретических обоснований необходимости «превентивного удара» и даже конкретных оперативно-тактических планов.

Вот и сейчас, закончив еженедельный доклад, Чекменев передал князю папку с документами, требующими рассмотрения, принял свободную позу, потянулся к палисандровому ларцу с сигарами.

Великий князь принимал Чекменева в картографическом кабинете, именуемом так потому, что все стены обширного, за сто квадратных метров площадью, помещения были завешаны картами материков, регионов и отдельных стран, на полках и столах лежали и стояли всевозможные атласы, справочники, лоции и тому подобная продукция, до которой Олег Кон-

⁷ Игра слов. Преферанс – одновременно преимущество (фр.) и редкая комбинация в одноименной игре, когда получивший ее игрок практически «раздевает» партнеров. Аналог флеш-рояля в покере.

стантинович был большой охотник. Имелись также три громадных глобуса, один из которых был изготовлен еще в восемнадцатом веке для Петра Первого, а последний, трехметрового диаметра, не далее как год назад на основе цветных спутниковых снимков.

Другие собирают монеты, марки, картины и скульптуры, а князь обожал вот это. Были здесь карты обычные, многотиражные, на которых не жалко было рисовать всяческие значки и стрелки, проясняя для себя текущую политическую и военную обстановку, а были и уникамы, вроде подробнейших немецких, выполненных в масштабе пятьсот метров в сантиметре, а потом уменьшенных так, что целые государства помещались на стандартном листе, но с помощью лупы размером в тарелку открывали тайны всех своих «лугов, полей и рек».

– А вот я тут вчера позволил себе на рыбалку вырваться, – сообщил Чекменев, чтобы слегка отвлечь Олега Константиновича, дать ему расслабиться, стать более восприимчивым к очередным судьбоносным идеям, которые генерал собирался до него донести. – Есть у меня неподалеку одно заветное местечко. Пока на поплавок смотришь, мысли разные интересные в голову приходят.

– Ну-ка, ну-ка, – в отличие от последних царствовавших Романовых Олег Константинович рыбалкой в спортивном или гастрономическом смысле не увлекался, но как способ медитации признавал.

Они с удовольствием порассуждали о сравнительных качествах снастей, о том, какая вода лучше успокаивает, стоячая или все же текучая, о способах быстрого копчения свежесловленной рыбы.

Князь был доволен, что наперсник⁸ хоть сегодня не касается темы, которая, в общем-то, его пугала.

Словно Рок из древних мифов, своей неизбежностью и необратимостью. То есть, если начнется борьба за власть, то до окончательного результата, каким бы он ни был, на полпути не остановишься и назад не повернешь.

Олег Константинович наизусть цитировал куски из «Записок об ужении рыбы» Аксакова, вспоминал случаи из собственных географических экспедиций и вел дело к тому, что неплохо бы в ближайшие дни что-то такое организовать.

Тут в дверь заглянул адъютант и жестом пригласил Чекменева выйти в приемную.

– Что такое? – недовольно вскинул голову князь. Он не любил, когда его перебивали. А генерал, напротив, предупредил поручика, что если последует вызов по определенной форме, то звать его к телефону невзирая ни на что. В его работе и минутное промедление может оказаться решающим.

Звонил Тарханов, назвавший дежурному по управлению пароль крайней срочности.

Услышав доклад полковника, генерал, честно сказать, обрадовался.

Конечно, то, что произошло, – для страны, правительства, простого обывателя, – шок и трагедия. Для него, разведчика и политика, все обстоит несколько сложнее. Столь масштабная вылазка неприятеля в глубоко тыловом районе подтверждает его проработанный и выстраданный прогноз – «черный интернационал «переходит в наступление по всему периметру Свободного мира. И этой своей сегодняшней акцией, сам того не понимая, сдал отличные козыри лично ему, генералу Чекменеву. В той игре, которую он ведет пока что против правительства собственной державы, но итогом которой станет победа над самим «интернационалом».

В это Чекменев верил негибаемо. Иначе – зачем все?

Жертвы среди бойцов и местного населения – это, разумеется, плохо. Но они не так уж велики, вполне сравнимы со среднестатистическими жертвами от несчастных случаев всякого рода. Политический же выигрыш представлялся огромным.

⁸ Наперсник – душевный друг сановника или правителя, доверенное лицо (неск. устар.).

Так он и доложил князю, возвратившись в кабинет.

Олег Константинович, если и был удивлен и взволнован сообщением, внешне этого никак не показал. Разве что лицо у него, только что благодушное и улыбочное, посуровело.

Встав из-за стола, он безошибочно нашел на стеллаже для расходных карт нужные, прикрепил на демонстрационный щит.

План города Пятигорска с окрестностями и обзорные карты Северного Кавказа и Закавказья.

– Самое главное, – тоже подойдя к картам, продолжал Чекменев, – захвачен важный «язык». И захвачен моими людьми, без ведома местного ГБ. Я уже распорядился послать за ним самолет. Часа через три-четыре буду иметь удовольствие с ним разговаривать. То есть мы здорово выигрываем во времени.

– Поговори, поговори... – Олег Константинович тоже начал просчитывать в уме расклад. – Сразу же доложишь результаты.

– Тут еще один пикантный момент.

Самое интересное Чекменев приберет на десерт.

– Прежде всего, вчера вечером успешно завершена операция «Кулибин». Там же, в Пятигорске. Конструктор «Гнева Аллаха» изъят вместе со всей своей «кухней» и в настоящее время тоже этапируется в Москву. К вечеру, надеюсь, будет здесь. Я не хотел докладывать, пока не увижу его своими глазами. Но раз уж так вышло...

Уверен, что захват города предпринят в целях его освобождения. Мы нечто подобное предвидели, почему и немедленно вывезли объект из Пятигорска, организовав соответствующую отвлекающую операцию. Она, очевидно, сработала. Но самое интересное даже не это. Опять отличился наш герой, Тарханов-Неверов...

И пересказал то, что успел услышать по телефону от самого Сергея.

– Надо же! – поразился князь. – Это какой-то особый талант – попадать в такие переделки.

– А главное – выходить из них с минимальными потерями и максимальным успехом. Сам жив, заложники освобождены, важный «язык» захвачен. Конечно, если бы юнкера не подошли, все кончилось бы для него и для заложников куда печальнее.

– Так в этом и мастерство. Вовремя сориентировался, вызвал подмогу, продержался до ее прихода. И, как я понимаю, дезорганизовал негодяев настолько, что егеря освободили гостиницу почти без потерь, – возразил Олег Константинович. – Снова придется награждать. Как считаешь?

– Ежели вашей властью, так единственно Георгием, но теперь уже третьей степени. А к государственным его представлять нет никакого смысла. Поскольку сейчас он в некотором роде поручик Киж, фигуры не имеющий.

– Кардинал Ришелье и король Людовик своих верных слуг вообще исключительно деньгами и перстнями награждали, – усмехнулся в бороду регент.

– Ну, деньги, что деньги. Они у меня и так ребята не бедные последнее время.

– Будь по-твоему, Георгий так Георгий, хотя третий – это уже генеральская награда.

– Не будем формалистами. А если требуются прецеденты, так государь император Павел Первый капитан-лейтенанта Белли за взятие десантом Неаполя ордена Андрея Первозванного удостоил, положенного лишь коронованным и особо высокопоставленным особам.

– Да-да, помню. «Ты меня, Белли, удивил, так теперь я тебя удивлю». Так дела пойдут, он скоро полным кавалером станет... Однако лучше бы таких возможностей ему больше не представлялось. Раз повезло, два повезло... Мне живые герои нужны!

Князь, внезапно задумавшись, отошел к окну. Наполовину сгоревшую сигару он подносил к губам так часто и затягивался так глубоко, будто это была обычная сигарета.

– Хотя вообще-то, – не оборачиваясь, заговорил он, – полковник Тарханов не только креста не заработал, а приличную ссылку как минимум, будь я самодержавным правителем.

– То есть? – осторожно поинтересовался Чекменев.

– Так сам посуди – что толку нам от его геройских подвигов? Прямо Козьма Крючков времен войны четырнадцатого года. Ну, убил он десяток немцев пикой и шашкой, так потом немецкая пропаганда четыре года своих граждан ужасами вторжения русских казаков пугала. И немало в том преуспела. Задумайтесь, генерал.

– Уже задумался, – кивнул Чекменев, начиная понимать ход княжеской мысли.

– Если бы местные бандиты или турецкий десант, какая разница, захватили Пятигорск, а то и весь район Кавминвод по-настоящему, да потом правительственные войска штурмовали его дня три, а я бы успел за это время кое с кем договориться, выбросить гвардейский корпус к Владикавказу якобы для прикрытия границ в условиях иностранной агрессии, сопряженной с внутренним мятежом!

Через месяц бы смог назначить тебя, скажем, наместником Кавказа. Со ставкой в Тифлисе и соответствующим парламентским кризисом в Петрограде. Как?

– Хорошо, Ваше Императорское Высочество. А это нам надо? Грубовато, на мой взгляд. И – торопливо.

Великий князь смотрел на «ближнего боярина» с усмешкой сквозь бороду. Намекая, что он все равно умнее.

– Значит, оставляем все как есть? Тарханову – орден, а нам что?

– Именно так. Тарханову орден, нам политический навар. Пусть на Кавказе происходит все, как происходит, а я ближе к ужину доложу про наши местные дела.

– Доложишь, конечно, доложишь...

Князь подошел к карте, начал водить карандашом, не касаясь, впрочем, бумаги, между Трапезундом, Эрзерумом и берегом озера Ван. Прекрасная оборонительная позиция на южных границах России, опирающаяся на три первоклассные крепости и пятикилометровую в глубину полосу дотов, надолбов и колючей проволоки. Одна беда – и по Черному, и по Каспийскому морям свободно ее можно обойти хоть на фелюгах, хоть на подводных лодках и высадиться в любом месте, от Одессы до Астрахани. В чем смысл такой «госбезопасности»?

– И что говорят ваши информаторы и аналитики? Да я и без них знаю. Тренировочные лагеря и базы хранения боевой техники у исламистов, мечтающих о возвращении Ванского пашалыка⁹ примерно здесь? – Князь ткнул острием карандаша в район Деярбакыра.

– И здесь, и там, и в любом другом конце света. Ваше Высочество, ну почему это вас так волнует? Да пусть, наконец, эта мировая война начнется сама собой, с любого направления, тогда у нас с вами хоть цель появится...

– Циник ты, Игорь, – с сожалением ответил князь, сломал в сильных пальцах карандаш и бросил его на пол. Его прадед Александр Третий Миротворец вообще умел разорвать пополам полную колоду карт и согнуть серебряный рубль. – А как могло бы здорово получиться! Воздушные десанты здесь, здесь и здесь. Черноморский флот атакует район Зонгулдака, Средиземноморский отряд может за сутки дойти до Мерсины. И – все. Большая часть текущих проблем была бы снята. Никто бы и не пикнул.

Лицо его приобрело мечтательное выражение.

Что ж, с точки зрения оперативного искусства такая операция не была бы слишком сложной и увенчалась бы успехом с минимально возможными потерями. А с точки зрения большой стратегии? Мы бы просто удлинити линию боевого соприкосновения с противником, ничего особенно не выиграв. Сухопутные границы никогда не могут быть обороняемы достаточно

⁹ Пашалык – провинция, управляемая пашой (тур.).

надежно. Вот если бы занять всю территорию Евразийского континента, повсеместно выйдя к береговой черте, тогда, может быть...

Но для этого нужно иметь примерно пятнадцатимиллионную кадровую армию. И кое-что еще.

Примерно так Чекменев князю и сказал.

– Вот уж и помечтать нельзя! А пока я, значит, должен ждать, пока вы...

– Совершенно верно. Вы не договорили, и правильно сделали. Когда (и если!) войне придется возникнуть, на то есть Генеральный штаб, правительство, союзы и коалиции. В общем, реалполитик. А пока я бы вам посоветовал заняться более насущными вещами.

– Ну, давай займемся, – одновременно с усталостью и облегчением ответил претендент на Российский престол.

Знал его Чекменев почти пятнадцать лет и все эти годы считал своим главным достоинством – вовремя догадываться, когда Олег Константинович говорит всерьез, а когда занимается «дипломатией».

Они, конечно, друзья, пусть не детства, а офицерской юности, и единомышленники, а все равно – должна же быть разница между простым смертным и коронованной особой. Совпал вовремя – ну и молодец. Нет – не взыщи.

Это даже к самым лучшим начальникам относится.

– По официальным каналам информация о захвате города еще не проходила?

– До нас, как видите, пока не дошла. А в военном министерстве и в правительстве – не знаю. Ежели обычным порядком – из Ставрополя в округ, оттуда в столицу, так примерно сейчас и должна дойти. Оперативная, я имею в виду, а так пока рапорты напишут все, кому положено, в общую докладную сведут, зашифруют, расшифруют – премьеру на стол не раньше чем к ночи попадет. А мы уже и пленного допросим, и от Тарханова объяснительную отберем. В темпе мы хорошо выигрываем...

– А журналисты?

– Там же вся связь с внешним миром отрублена была. Только вот сейчас и включилась, когда Тарханов позвонил. Думаю, что в ближайшие минуты по радио и дальновидению что-то пойдет.

– Меня вот удивляет, как это за полдня никто из местных жителей из города не выбрался, тревогу не поднял. Там до Минеральных Вод, до Ессентуков за час пешком добежать можно...

– Не могу сказать. Не располагаю информацией. Может, желающих рискнуть головой не нашлось, а может, и нашлись, да выходы из города хорошо перекрыты. Связь-то всех видов они обрубали грамотно. Очевидно, имели в городе разветвленную сеть. Мне вообще кажется, что произошло дикое совпадение по времени двух совершенно разных ситуаций. Захват города планировался независимо от нашей операции. Все было уже подготовлено, фигуранты расставлены по местам, предприняты меры по нейтрализации МГБ, полиции, гражданских властей, средств транспорта и связи. Дальней и ближней блокаде города. Но намечалось все не на сегодня, а на завтра-послезавтра. А тут Тарханов с Кедровым сработали. И у кого-то просто не выдержали нервы... Эх, пустили б меня туда, я бы плотненько поработал, – мечтательно закончил свою тираду Чекменев.

– Не пустят же, и нечего об этом говорить, – поморщился князь. – Скажи лучше, на повышенную готовность не пора Гвардию переводить?

– Не вижу необходимости. Батальон «печенегов» у меня всегда в полной боевой, а войска не стоит. Только гусей дразнить раньше времени.

Глава пятая

Экзамены за первый курс Академии оказались трудными даже для Ляхова, поднаторевшего за шесть лет университета в сдаче весьма мудреных медицинских наук.

Там он, случалось, ухитрялся за три дня и ночи пробежать тысячестраничный учебник биохимии или психиатрии, после чего получал вполне приличную оценку. Здесь такие фокусы тоже проходили, но лишь на сугубо теоретических дисциплинах, где можно было взять памятью и общей эрудицией. А в основном система подготовки дипломатов-разведчиков предполагала решение конкретных тактических и психологических вводных, дешифровка и переводы иностранных текстов без словаря, составление отчетов и рефератов на заранее неизвестную тему.

Потом еще месяц, проведенный в полевых учебно-тренировочных лагерях, и вот наконец-то у Вадима на руках выписка из приказа о переводе на следующий курс, отпускное свидетельство, положенные суточные, проездные, лечебные и прочие суммы.

Только теперь он ощутил себя совершенно свободным и почти счастливым. В отличие от нескольких неудачников, испытания не выдержавших и отчисленных в войска.

Сначала успех отпраздновали всем уцелевшим составом в ресторане с подходящим названием «Виктория». Кухня и интерьер понравились, почему и было решено отныне и впредь учредить традицию – «товарищеские обеды» по случаю радостных общекурсовых событий устраивать только здесь.

На следующий день, отоспавшись, забрав у портного свежестроенный штатский костюм, он наконец-то разыскал Майю и пригласил ее отметить избавление от бездны премудрости, а также обсудить дальнейшие планы.

Для этой цели был избран слывший весьма уважаемым плавучий ресторан «Утеха».

В отличие от других москворецких «поплавок» он не стоял на вечном приколе у набережной, а совершал ежевечерне неторопливый шестичасовой круиз от Воробьевского моста до Звенигорода и обратно.

Хватит времени и поесть, и выпить, и потешить глаз окрестными пейзажами. Особенно если, как сегодня, ожидается полнолуние с заходом солнца в двадцать один час и восходом луны в 21.30.

Погоды этим летом в Москве стояли удивительно теплые, и Вадим заказал столик из самых дорогих, расположенный, выражаясь флотским языком, на шканцах, то есть в самом удобном и почетном месте корабля, на верхней палубе, между грот- и бизань-мачтами.

Здесь обдувал легкий ветерок, совершенно не достигали кухонные запахи, как во внутренних залах и кабинетах, и вид на московские набережные, а потом и на прибрежные леса и луга открывался великолепный.

Стилизованный под старину трехпалубный пароход деликатно дымил из высоких, начищенных медных труб, шлепал по воде плицами огромных гребных колес, вырубивая на фарватер.

Заказ был Ляховым сделан заранее, закуски и напитки уже стояли на столе, огражденном с двух сторон полупрозрачными поляризованными экранами, заслонявшими и от нескромных взглядов соседей, и от почти горизонтальных лучей закатного солнца, глушащими чужие разговоры и не выпускающими за пределы оплаченного пространства собственные.

Музыка же струнного квартета, расположившегося на крыле кормового мостика, доносилась сюда беспрепятственно.

Что еще можно желать утомленному науками и службой офицеру, впервые после месяца разлуки встретившемуся со своей дамой? И глядящему на нее по этой причине жадно-восхищенным взглядом.

Майя выглядела великолепно, причем с минимальными собственными усилиями. Она принадлежала к тому типу женщин, которые умеют сохранять шарм и в турпоходе, и сразу после сауны. Кремы же, помады, тушь и прочая косметика используются лишь для создания желаемого в каждый конкретный момент эффекта.

Сейчас ей, как в один из первых вечеров их знакомства, вновь захотелось выглядеть очаровательной юной девушкой, может быть, впервые оказавшейся в столь роскошном и неизвестно еще, достаточно ли приличном заведении.

Естественно-розовые, возможно, и нецелованные еще губки, большие удивленные глаза, в глубине которых таится настороженность и тревога, едва-едва (словно с опаской, не слишком ли нескромно получится?) взбитые золотистые волосы. Неброские золотые сережки с изумрудами, кулончик на тонкой цепочке – скорпион с изумрудными глазами. Очень ей подходящий знак Зодиака. Перстень, внешне неброский, но наметанный глаз отметит и старинную работу, и то, что камень печатки тянет не меньше чем на десяток каратов.

И платье цвета недозрелого лимона, вроде бы простого покроя, ненавязчиво подчеркивающее и обозначающее все, что нужно.

«Схема – девушка из хорошей семьи в день помолвки, – прикинул Вадим, вспоминая знания, полученные на одном из спецкурсов. – Кто ее не знает, непременно должен купиться».

Сам-то он тоже в свое время поймался, пусть и на другой, но тоже тщательно продуманный образ, и теперь эта девушка владеет его вниманием в гораздо большей мере, чем следовало бы.

Нормальные отношения с Еленой были гораздо логичнее, а вот не вышло. Не вышло в первый раз, не вышло и во второй. Не так давно он получил от нее спокойное, хорошее письмо, где она благодарила его за все, что Ляхов для нее сделал и в личном, и в финансовом смысле, и что ей очень жаль терять не только его, но и всех его друзей, которые успели стать и ее друзьями. И все-таки...

«Может быть, когда там кончится война, я поеду в Аргентину, постараюсь найти место гибели Владислава, поставить ему памятник, если получится. А пока возвращаюсь в Петроград. Буду рада увидеть тебя. Желаю счастья».

Грустно было читать это, и одновременно он ощутил некоторое облегчение.

Пожалуй, и правда не стоит возвращаться по следам своим.

Зато с Майей ему было если и не просто, то всегда интересно.

Вот и сейчас.

– Я рада, что наконец нас никто не потревожит и при всем желании ты отсюда никуда не бежишь до конца плавания, – сообщила девушка, ласково улыбаясь.

Возникший ниоткуда официант ровно секунду назад наполнил ее бокал шампанским и вопросительно посмотрел на Ляхова. Тот указал взглядом на графин с маслянистым, желтоватым хересом. Прогулка ожидается долгая, начинать сразу с водки неуместно по многим причинам.

– А что, опасения были? – в той же тональности спросил Вадим. Коснулся краем своего бочкообразного бокала ее – тонкого и высокого.

– Ну, со свиданьем!

– С ним. Не только были, но и остаются. Неужели за месяц не было возможности хоть на вечер выбраться ко мне?

– Верь не верь, а ведь и не было. Я сам поначалу удивлялся, Академия, офицеры высоких рангов, а дисциплинка строже, чем в Экспедиционном корпусе. В первый же развод было объявлено, что и самовольная отлучка, и употребление спиртных напитков относятся к позиции «Ворон», влекущей за собой немедленное отчисление со сборов с последующим увольнением.

– Неужели? Бедненький ты мой. И как?

– Один подзалетел, – лаконично ответил Ляхов. Рассказывать о том, как, уже после изгнания нерасчетливо нарушившего приказ товарища, они все же единожды распили, по неотложному поводу, бутылку в палатке, после отбоя, в темноте и под одеялами, а потом закапывали пустую посудину в вырытой штыком ямке под деревянным настилом, не хотелось. Было тут нечто унижительное для офицерской чести.

Вместо этого он поведал ей, что курсовое начальство, не вполне уверенное в истинности афоризма Бэкона «Знание само по себе есть сила», увлеченно заставляло эту самую силу и выносливость усиленно развивать. Ярко и доходчиво рассказал о ежеутренней пробежке по штурмовой полосе длиной в пятнадцать километров, где сверхсрочные фельдфебели из роты организации учебного процесса их гоняли, будто первогодков морской пехоты. О тренировках по всем видам рукопашного боя. О том, как после обеда из солдатского котла «военных аристократов», «мозг Гвардии», посылали на стрельбище, где мучили «большим стандартом»¹⁰, или на манеж для верховой езды. И лишь перед ужином, будто вдруг вспомнив, с кем имеют дело, устраивали семинары на высоком, геополитическом, можно сказать, уровне.

– Зато ты поздоровел, загорел, стал еще интереснее, – сообщила Майя и погладила Вадима по руке. Ему показалось – искренне.

Больше всего Ляхову хотелось сейчас полностью отключиться от всего прошлого и будущего, на самом деле посвятить шесть часов прогулки наслаждению ужином, природой, общению с прекрасным и невинным во всех смыслах существом.

Так не выйдет же. Не та партнерша и не тот расклад.

И не ошибся, конечно.

Разумеется, поговорили они и на приличествующие любовной встрече темы. Им было о чем поговорить. Майя намекала, что, если Вадим пригласит ее провести пару недель, исключительно вдвоем, в путешествии, скажем, на юг Франции или, на худой конец, в Крым, она не станет отказываться слишком настойчиво.

Ляхова подобная перспектива в принципе устраивала, слишком уж он соскучился по женскому обществу, но несколько беспокоила мысль, не придется ли сразу после этого – под венец? Если ей очень захочется, отвертеться будет совсем непросто. Поэтому он старался отвечать уклончиво, в том смысле, что, конечно, идея восхитительная, но сначала нужно ее обдумать поосновательнее, на свежую голову.

Мимо проплывали башни окраинных небоскребов с зимними садами на крышах. Верхние их этажи еще сверкали алыми бликами закатного солнца, а нижние уже растворялись в сумерках.

А потом пошли мачтовые сосны, вышедшие вплотную к береговому обрыву. Запахи нагретой летним жаром смолы нахлынули на палубу ресторан-парохода, медовых трав, разожженных на недалеких дачах костров.

– Горячее не прикажете подавать? – вновь возник в проходе официант в белой робе корабельного стюарда и капитанской фуражке.

– Избавьте, – отмахнулся Ляхов. – Еще и закуски не съели. Развернемся на обратный курс, тогда и подадите.

А до разворота было еще полных два часа.

На все времени хватит.

«Ну, давай, моя дорогая, давай. Ты ж наверняка за месяц поднакопила эмоций и информации и не только о поездке на воды думала».

Эмоции Майя решила оставить до более подходящего времени, а к информации перешла немедленно.

¹⁰ «Большой стандарт» – стрелковое упражнение – по 20 выстрелов из винтовки из положений лежа, с колена, стоя.

– Папаша мой долго размышлял о твоей задачке. Ну, которая нам поначалу показалась вполне бессмысленной.

Ляхов ждал, что эта тема возникнет. Только – несколько позже. А задачка действительно была интересная. Насчет единственно приемлемой для России формы государственного устройства, сочетающей достоинства всех ранее существовавших режимов, но лишенной их недостатков. И о практических путях достижения этой, по определению, недостижимой цели.

– И что?

– Ему показалось, что ты не просто его эпатировал, а на самом деле знаешь нечто очень важное.

– Для кого? – изобразил наивность Ляхов.

– Для нас.

– В смысле – для государственной прокуратуры? Нет, в эти игры я не играю...

– Да что ж ты за такой невозможный человек! – Майя чуть не швырнула бутерброд с икрой ему в лицо. По крайней мере, такое желание выражение ее глаз продемонстрировало. Но, наверное, воспитание не позволило реализовать душевное движение. – Для нас! Для отца, для меня, для тебя...

– А я при чем?

Пожалуй, он переиграл.

Майя вскочила, оглянувшись по сторонам, будто не зная, куда бежать. Был бы это городской ресторан, выскочила бы на улицу и бросилась в первое попавшееся такси. Но бутыльно-зеленая речная вода за бортом к прыжку через леера не располагала.

Постукивая каблучками, походкой, которая мгновенно притянула взгляды абсолютно всех сидевших за окрестными столиками мужчин, даже тех, кому гримаски спутниц не сулили ничего хорошего в ближайшем будущем, девушка дошла до кормового фальшборта, облокотилась на него локтями, замерла в позе немого отчаяния.

При этом край платья сзади у нее приподнялся таким образом, что только невероятное волевое усилие удерживало сильный пол от желания немедленно завязать шнурок на туфлях, к примеру, или уронить зажигалку и поднять ее, воровато косясь в известном направлении.

«Ладно, девушка, поиграйте, воля ваша», – подумал Ляхов, наконец-то избавленный от необходимости соблюдать светский тон, прихлебывая вино, и налил себе хорошую рюмку водки.

Слава богу, он сейчас Майе нужнее, чем наоборот.

Честно говоря, ему не очень хотелось именно сейчас валять дурака, проводя над ней психологические опыты. Она ведь в самом деле волновала его как женщина, и мысль о том, что вот две дюжины мужиков сейчас пускают слюни, пялясь на ее ножки, а к ней домой сегодня вечером поедет все-таки он, – радовала.

Так вольно же тебе, милая, изображать из себя Мату Хару именно сейчас!

Конечно, господин государственный прокурор Бельский был заинтригован еще в день их первой встречи. И странной способностью Вадима с первого взгляда определять степень искренности собеседника, его интеллектуальный уровень и эмоциональный настрой. И его намеками и полунанеками на то, что знает, как сформировать в России новую касту сверхнадежных и сверхкомпетентных управленцев. Тем, наконец, что не понимал Василий Кириллович причину, по которой безвестный офицер был вдруг приближен к высочайшей особе.

То есть, короче говоря, надеялся прокурор лично и через посредство дочери разобраться во всем происходящем. А там и определиться – следует ли употребить власть для пресечения зреющего противоправительственного умысла или, напротив, вовремя оказаться на стороне, которая способна предложить ему нечто большее, чем не слишком уже далекий и не очень жирный пенсион.

А тут кандидат в зятя вдруг исчез на два месяца из поля зрения, оставив после себя недоумение и тревогу. Потерял, похоже, темп господин Бельский за время отсутствия Ляхова, любопытство его томит, и не только любопытство, наверное, раз его доченька так гонит лошадей.

В интуиции прокурору, конечно, не откажешь. Аппаратик доктора Максима Николаевича, названный «верископом», долженствующий обеспечить проведение придуманной лично Ляховым «кадровой революции», уже в апреле работал достаточно убедительно, а с тех пор был значительно усовершенствован. И мог быть запущен в серию хоть завтра.

Но тем не менее, понимая причины поведения подруги, Вадим так просто прощать не хотел. Хоть из приличия могла бы посвятить сегодняшний вечер и ночь исключительно интимному общению.

Как любили говорить в полку – война войной, а обед по расписанию. Так сейчас все происходит с точностью до наоборот.

Окликать Майю или подходить к ней, чтобы погладить по плечу, он не стал. Пусть полюбуется кильватерной струей. Не вредно. Не океан за бортом, но все же приятное для глаз и успокаивающее нервы зрелище...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.